

Владимир Лармонов

НАЦИОНАЛЬНАЯ МОНАРХИЯ В РОССИИ

ПРАВОСЛАВНАЯ МОНАРХИЯ

УТОПИЯ ИЛИ ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

Владимир Ларионов

Православная монархия

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=170134

Православная монархия. Национальная монархия в России. Утопия, или Политическая реальность: Издатель Быстров; М.; 2007

ISBN 978-5-9764-0086-3

Аннотация

Данная книга призвана оградить русское общество от попадания в ловушку современных псевдомонархических проектов власти. Здесь дан ключ к пониманию проблематики монархического принципа власти в контексте современности. Доступным языком раскрываются хитросплетения вокруг потомков Кирилла Владимировича и их претензий на Трон. Будет дана альтернативная точка зрения на вопросы династической преемственности в рамках исторического русского самодержавия с позиций дня сегодняшнего и предложен альтернативный проект для русского и – шире – российского общества по реализации священной мечты: возрождения традиционной, исторической государственности в России.

Содержание

Вместо предисловия	5
Введение. Псевдомонархический подлог или прозрение власти?	7
Глава I. Монархическая государственность – консервативная утопия или вектор национального обновления	14
Истоки национальной трагедии	15
Постигнем ли мы смысл новейшей истории?	16
Православие, Самодержавие, Народность	28
Богословское обоснование самодержавной власти	33
Святые отцы Церкви о монархии	35
Биологический фундамент Государственности	38
Утрата и возрождение монархического правосознания	40
Третий Рим или Новый Израиль	50
Секта украинствующих	53
«Символическое» возрождение на фоне демократического некроза государственности	55
Мировоззренческая основа возрождения государственного сознания	65
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Владимир Ларионов

**Православная монархия. Национальная
монархия в России. Утопия,
или Политическая реальность**

*Памяти Константина Константиновича Веймарна,
начальника Российского Имперского
Союза-Ордена посвящается*

Вместо предисловия

Символ веры

Я люблю ледяную Московию,
Золотой византизм куполов,
Темных изб лубяные прогалины
Средь бескрайних полярных снегов.

Я влюблен в избяную Московию,
В ее строгий спартанский уклад,
В ее буйные будни и праздники,
В ее песен лирический лад.

О, святая, студеная Родина,
На просторах – хрустальный орарь,
Снежно-искристым убрусом убранный
Ледяной Вселенский Алтарь.

И отрадой мне топь непролазная
Среди чащи таежных лесов,
Путь-дорога в простор, безоглядная
До поморских поклонных крестов.

Звон небес благовестит нам колокол,
Пробуждая в душе вечный зов.
Наша честь, наша верность и мужество
Обретаются в вере отцов.

Не милей пепелища родимого
Все шедевры заморских творцов,
И калитка погоста старинного
Нам роднее роскошных дворцов.

Эти чувства от времени древнего
Созидали державу дедов,
То завет наших пращуров доблестных,
Легендарных в сраженьях бойцов!

Свои славные ратные подвиги
Совершая под знаком Креста,
Наши прадеды стойкими в Истине
Завещали нам быть до конца.

Нам судьба предначертана Господом
Прозревать сквозь метельный атлас
Образ Божьего Града Небесного
Через строгий Нередицкий Спас.

Василий Шарапов

Введение. Псевдомонархический подлог или прозрение власти?

Удивительные вещи происходят в политической жизни современной России. Вроде бы все идет своим чередом. Реформы успешно толкают в тощий зад экономику по пути безудержной траты минеральных ресурсов страны в погоне за долларовой выручкой, с которой не знают, что делать.

А вернее сказать, знают. Ее надо обязательно «разделить», а лучше – «распилить». Но вот незадача, выручка сверхогромна, и как ее разворо... распределить, еще не придумали. А пока эти деньги составляют загадочный стабилизационный фонд. Стабилизируют же они продолжающуюся деградацию общественной жизни.

В политике тоже ничего особенного. Власть все так же бодро салютует либеральным ценностям, старательно заворачивая их в фантик пожухлого советского патриотизма, слегка припудренного антуражной пылью ушедшей в небытие Императорской России, и продолжает исполнять роль большой «шестерки» в большой восьмерке.

Скучно описывать эту унылую действительность. Вы, уважаемый читатель, и сами все знаете и видите, и от унылости всего происходящего становится «погано» на душе. Как бы ни кривлялись наши юмористы на тему нелепой российской действительности – не смешно все это! Давно не смешно.

И вдруг в нашей родной Государственной думе депутатам в кабинеты приносят «Политический журнал» за № 2 от 2006 года. Вроде как с первого взгляда привычный богато иллюстрированный словесный понос, подтертый обильной рекламой. Но открываем первую же статью журнала и одновременно открываем рот. Да, не так уж и скучно жить в стране после Советов.

Судите сами, автор статьи Петр Акопов серьезно, без сарказма и, вне всякого сомнения, не без санкции высокого начальства обсуждает проект реставрации в России монархии сверху, усилиями прозревших работников ФСБ под чутким руководством их державного шефа.

И это пишет не какая-то там оппозиционная газетенка, и это не шизофренический боевой листок красных патриотов сталинской исправительно-трудовой колонии с аббревиатурой СССР, а журнал, издающийся далеко не для свободной продажи, но для примечательно адресной раздачи.

Ну как тут не растеряться. Как понять, что это такое? Закономерный ли это плод переживаемого чекистского ренессанса? Может, это очередной «Трест» под №...? Надеюсь, читатель хотя бы по советским фильмам помнит о знаменательной операции «Трест».

Поразительно, но статья Акопова проникнута каким-то неподдельным пафосом. Он же сообщает читателю, что информация о тайном кремлевском проекте реставрации монархии в промежутке между 2008 и 2016 годом стала известна американцам. Что, конечно, не удивительно, раз это становится известно всем.

И вот уже два представителя Белого Дома и, разумеется, ЦРУ, мчатся в Россию, чтобы собрать демократическую общественность в единый кулак и ударить этим кулаком по авторитарному проекту «кремлевских злодеев».

Американцы никак не возьмут в толк, что кулак нашей демократической общественности годен лишь для мастурбации, и давно уже не интеллектуальной. Кроме того, эта наша пресловутая «общественность» страсть как опасается питерских кремлевцев и готова от них принять не только монархию, но и все, что угодно, хоть черта лысого.

А вот что касается немногочисленной национальной русской интеллигенции, то нам стоит крепко подумать, втаскивать ли этого наскоро слепого «Троянского коня» в «свой огород».

С одной стороны, нет никаких сомнений, что возрождение России – и духовное, и социальное, и экономическое, наконец, – лежит исключительно на путях воссоздания в стране преемственной авторитарной, исключительно национальной власти, каковой, по природе вещей, может быть только монархия. Но монархия монархии рознь.

Ходят слухи, что сама эта монархическая шумиха и псевдомонархические проекты осуществляются на деньги А. Чубайса. Сложно утверждать такие вещи наверняка, но с абсолютной уверенностью можно говорить, что далеко не всегда тот, кто дает деньги, является истинным автором проекта и организатором его массовой рекламы. Есть силы и поважнее Чубайса.

Так давайте же повнимательнее разберемся, что же в итоге предлагают нам потомки «комиссаров в пыльных шлемах».

Монархия и ее антипод – псевдомонархия или даже антимонархия, есть устойчивая парадигма смены исторических циклов в Русской истории. Мы пережили большевизм с его ярко выраженной антимонархичностью, то есть с таким жестким устройством властной пирамиды, которая по форме (но не по содержанию) может напоминать абсолютистские азиатские монархии. Напоминать деспотизмом, низведением интеллигенции, этой псевдоаристократии Советов, до состояния подручных и надсмотрщиков за бесправным населением. Такой по форме власти, которая абсолютно лишена какой бы то ни было сакральной санкции на властные полномочия, без чего истинная монархия и немислима.

Теперь мы вступаем в тревожное время перелома эпох, когда скрытое до времени священное Царство, как град Китеж, может обрести новую жизнь в новых формах воплощения векового монархического идеала русского народа, постигаемого сегодня большинством: иногда сознательно, но чаще – только интуитивно.

Однако именно от большинства ныне зависит, будем ли мы жить при истинной монархии, то есть в нравственно и организационно здоровом государственном и национальном организме, или в новом псевдомонархическом проекте, означающем общество нравственного распада народа; в социуме, возглавляемом специфическими органами власти, под помпезной вывеской, украшенной пышной короной газово-нефтяной псевдоимперии – полигоне по подготовке послушного человеческого стада к принятию глобального мирового государства, населенного рабами безумного потребления, во главе которого стоит предсказанный в Откровении Иоанна Богослова лжемонарх-антихрист; в кощунственной антиимперии, в которой окончательно будут погребены благородные чаяния христианского человечества о духовной свободе, высокой нравственности, цветущей культуре суверенных народов и государств.

Понимают ли авторы монархических проектов, какая опасность кроется за механической реставрацией монархии, которая всего лишь искусственно увенчает ту систему власти, которая создана на обломках СССР и деградирует на глазах, не имея абсолютно никакого внутреннего мотива, а тем более – энергетического резерва для своего нравственного и волевого катарсиса.

Вообще говоря, создается устойчивое впечатление, что политическая элита России современной не совсем отдает себе отчет в том, что она делает, что говорит и куда стремится. У государства Российского отсутствует ясная доктрина перспективы именно государственного и социального развития. Власть же характеризуется вечной озабоченностью сохранения неустойчивого баланса интересов олигархических групп и выпуском пара социального недовольства у населения. Все, никакой динамики, никакого плана на будущее. Только вялая реакция на вызовы современности. Это начало конца. А чего стоят постоянные разго-

воры о преемнике действующего президента! Мы что, уже живем при династической монархии, если глава государства, еще оставаясь таковым, как византийский император, вправе короновать своего преемника? Или вспомним национальные проекты власти, которые подаются обывателю как ряд чрезвычайных мер, тогда как в нормальном государстве это обычный набор стандартных функций госаппарата.

Бред, да и только. И на фоне всего этого умирительно звучат заклинания, призванные усыпить бдительную настороженность Запада по поводу всего того, что у нас происходит, и убедить его, что мы строим суверенную демократию. Термин «суверенная» для демократии в России не случаен. Ощущение того, что, став участниками всевозможных международных организаций, мы утратили значительную долю национально-государственного суверенитета, не получив взамен ничего, вполне оправдывает и сам термин, и осмысленную попытку этот суверенитет восстановить. Вот только можно ли его вернуть на путях тупой приверженности современной системе ценностей, по глупости или по коварному лукавству признаваемой многими за демократию (т. е. народовластие), – это большой вопрос. Народ наш имеет «нонче» власть регулировать разве что резинку своих трусов, да и то – в объеме, допустимом особенностями качества китайского ширпотреба. И это все наше народовластие?!

А что же Его Величество Народ?

Народ пока безмолвствует. Но что кроется за этим затянувшимся молчанием?

В конце 2006 года социологи из ВЦИОМ провели опрос населения: «Нужна ли России монархия?» Результаты нельзя назвать неожиданными или сенсационными – каждый десятый россиянин готов принять в качестве правителя страны самодержавного монарха. Почти треть населения страны (28 %) теоретически видит пользу для страны в восстановлении монархической власти. Для 8 % из них Царь – духовный символ страны и единства народа, 9 % полагают, что династическая преемственность власти есть гарантия спокойной и законной передачи власти от одного правителя другому, а 11 % выступают за монархию как за способ восстановления в России исторической и юридической преемственности власти и возврата к живительным истокам национальной традиции. Любопытно, что опросы показывают устойчивую динамику роста монархических настроений в России. Не нужно быть экстрасенсом, чтобы понимать, что эти настроения неизмеримо вырастут, когда после грядущих выборов в Думу и «выборов» нового президента РФ народ в который раз будет жестоко обманут в своих ожиданиях.

Каков же выход из явного идейного тупика современной власти? Отражен ли он в загадочном «Проекте „Россия“, о котором шла речь в „Политическом журнале“?»

Сам автор журнальной статьи с нескрываемым сочувствием цитирует пассаж из указанного проекта с многообещающим названием, опубликованного не так давно без указания авторства.

Позволим себе воспроизвести ряд цитат из этой работы. «Наша идея – монарх, власть которого ограничена религией. Власть, стоящая на двух ногах – алтарь и трон. Обратите внимание, мы желаем восстановления системы и принципа, а не какой-либо монархической фамилии. Мы хотим постараться для России, а не заранее определенных лиц. Кто будет монархом, решать Богу и народу, а не нам с вами. Мы создаем организацию Идеи, а не фамилии и не берем на себя функции Земского собора. Наша задача – создать условия для возрождения самодержавия. Сначала на Руси, а потом во всем мире. Постепенно, незаметно, в черед как бы текущих само собой событий».

Начали за здравие, кончили за упокой. Получается, что пресловутый «Проект „Россия“ озабочен восстановлением монархии во всем современном мире? Думаете, это прощая отрывка „совка“, когда мы помогали строить неграм социализм, а теперь, по инерции,

готовы оказать им помощь в построении развитого монархизма? О, если бы было все так безобидно.

Речь, конечно, идет не о желании группы энтузиастов помочь неграм посадить на трон бананово-лимонной Лимпопо самодержца-каннибала. Это были бы просто детские шалости. Неизвестный автор говорит – и это понятно всякому православному человеку – о всемирном монархическом проекте, который увенчается приходом антихриста. А все рассуждения о Царе Святой Руси – это дымовая завеса. О какой Святой Руси вообще может идти речь, когда обязательным условием сохранения стабильности в России с приходом монарха является полная неприкосновенность прежней политической команды, да и системы в целом?

Итак, возрождение самодержавия в России видится авторам проекта «Россия» первым шагом на пути к восстановлению монархий во всем мире. Но нам-то это к чему? Ну не абсурд ли это, не повторение ли старой коммунистической утопии о всемирной пролетарской революции? А вдруг не абсурд?

Верующее сердце без труда прочитает в этом стремлении попытку навести тень на плетень. При свете дня все предельно ясно. Проект «Россия» вполне может оказаться пробным шаром для страны в системном продвижении общемирового плана по становлению не просто мирового правительства, но именно и только мировой монархии. Кто будет этим мировым монархом, христиане хорошо знают. Недоверчивых я, опять же, отсылаю к Откровению евангелиста Иоанна.

Не совсем понятно, что же в данном проекте обеспокоило ЦРУ и мировую общественность. Возможно, западные эксперты вообще боятся выпускать джинна национального монархизма из бутылки раньше определенных сроков, то есть до восстановления единственно приемлемого для них трона – в Третьем Храме Иерусалима, который будет построен к приходу сына погибели. Авторы проекта «Россия» и их рекламный агент Петр Акопов упаковывают свою идеологическую пиллюлю в совершенно белоснежную обертку. Вчитайтесь: «Монархия – это принцип управления, который и по сей день используется в каждой структуре, начиная от нашего тела и заканчивая любым ларьком, заводом или армией. Государственное устройство монархического типа – это не возврат в XV век.

Монархия – это не преданье старины глубокой, а принцип единовластия. Он есть во всякой здоровой структуре. Вы можете представить себе семью, устроенную по демократическому принципу, где глава меняется каждые четыре недели? Или завод, где каждые четыре месяца меняют руководителя? Абсурдно. Но менять каждые четыре года власть в гигантском государстве еще абсурднее. Регулярная смена власти разрушает все – и государство, и семью, и завод».

С этим действительно не поспоришь. Такие откровения, даже если они есть всего лишь обертка, прикрытие истинных целей, опасны сами по себе. И это хорошо понимают режиссеры мировой закулисы, с которыми сам проект «Россия», вернее, его опубликование, вероятно, по безалаберности, не успели согласовать. Американский дипломат Гольдфарб приводит данные опроса, по которым симпатию к монархии в нашей стране в той или иной степени высказывают до 30 % опрошенных. В среде руководителей разного ранга этот показатель еще выше – аж 42 %. За десять лет число сторонников монархического правления в России выросло в два раза. И это при том, что о монархии в современной России у людей весьма смутные представления. А если действительно развернется, поддержанная мощью государственных СМИ, рекламная кампания в поддержку самодержавия, то оно может быть восстановлено очень быстро, почти так же молниеносно, как пало. И даже если мы имеем дело с очередной провокацией в стиле старой «Операции „Трест“», то ведь и ситуация изменилась. В те далекие годы в России, как это ни парадоксально, сторонников монархии было ничтожно мало по сравнению с нашим временем. А что, если джинн, выпущенный из бутылки заку-

лисными кукловодами, вдруг перестанет слушаться хозяина? Умные люди за океаном просят и такую возможность.

Для монархической общественности вроде бы наступает радостная пора исполнения чаяний. Вот только смущает ряд важных моментов. Все это действительно очень похоже на очередную операцию «Трест» с не до конца понятными целями, но вполне угадываемыми – и пренеприятными для России – последствиями.

Сегодня речь должна идти о том, что в России возможны две формы монархической реставрации. Первая – это возрождение традиционной русской православной государственности с Царем во главе, которая будет окружена кольцом врагов и которая в полном одиночестве будет противостоять миру в его безудержном стремлении в пропасть через поклонение мировому владыке – антихристу.

Вторая форма подспудно угадывается у авторов «Проекта „Россия“». В соответствии с ней остается все как есть, но голое естество истерзанной страны, сползающей в пропасть исторического небытия, будет украшено плюмажем псевдомонархического института власти, окончательно легитимизирующего тотальный криминальный „беспредел“ и распад государственной ткани. И все в этом проекте пропитано антихристианской сутью, особенно в той его части, где авторы призывают Россию раздувать общемировой монархический пожар своими больными легкими политического доходяги.

Вы спросите: а зачем антихристианскому проекту, имеющему в виду прежде всего восстановление трона для антихриста, понадобилась политическая тень монарха в Российской Федерации? Ну, хотя бы затем, чтобы исполнилось пророчество Апокалипсиса: «...и поклонятся ему цари земные». Цари земные ох как нужны глобальному мировому проекту, именно цари, а не президенты. Для уразумения сути вопроса, поверьте, приведенной цитаты более чем достаточно.

Но самый интересный, поистине интригующий вопрос – кого же хотели бы увидеть на высоком Русском Троне современные политтехнологи?

Далеко не случайно буквально бешеную активность проявляет британский подданный, принц Майкл Кентский. Ведь, по устойчивым слухам, в реализации монархических проектов Кремля именно ему отводится роль будущего Всероссийского самодержца. Именно под него готовят сложные генеалогические выкладки, призванные доказать бесспорные права принца на российский престол.

А в нашем патриотическом лагере до сих пор идет грызня сторонников и противников потомков Кирилла Владимировича. Нужно понимать, что этот ельцинский проект уже списан в архив. Новое время требует новых героев.

Принц Майкл – лицо крайне примечательное. Автор этих строк обратил внимание на его странную политическую активность в России еще в 1998 году. Тогда же, в 1998 году, в альманахе «Лабарум» мы указали, какую опасность может таить проект монархической реставрации при Б.Н. Ельцине, «сработанный» под квазицаря «Михаила Второго», то есть принца Майкла Кентского. Через какой-то промежуток времени наши СМИ престали его замечать, но это отнюдь не значит, что принц прервал свою подозрительно кипучую деятельность в России.

Он не скрывает своего участия во всевозможных масонских ложах. В Англии подобное не скрывают – этим гордятся. Майкл Кентский интересен и своей попечительской и просветительской деятельностью. С его предисловием, в частности, вышла книга Лориса Гарднера, посвященная поискам Грааля и прочим тайнам, кстати, давно переведенная на русский язык.

Книжица эта – предшественница безобразных антихристианских романов в стиле «Кода Да Винчи» Дэна Брауна. В предисловии к работе Гарднера Майкл Кентский не скрывает своих симпатий к антихристианскому творчеству новоиспеченных идолов читающей

европейской публики. Для него это «новое и интересное слово в духовных исканиях человечества». Любопытный, однако, получается вариант монарха для православной России.

Кстати, скоро у нас грянет премьера американского сериала по книге Фредерика Форсайта «Икона». Об этом также с радостью сообщает нам автор статьи в «Политическом журнале». И совсем не случайно в сериале том будет обыграна тема приглашения на возрожденный в России Трон одного из представителей Виндзорской династии. Все это звенья одной цепи чудовищного по лукавости проекта.

Согласитесь, что более кощунственного плана по дискредитации самой идеи, самого священного принципа самодержавной власти в России и придумать сложно. Насмешка, достойная дьявола. Династия Романовых началась с Михаила Федоровича, и святые прозорливые отцы предсказывали, что если Господь помилует Россию, то нам дарован будет монарх из рода Романовых по женской линии. В этом грядущем государе мистики и прозорливцы видели укрытого до времени царя Михаила II. И какова же бесовская гримаса в исполнении современных политтехнологов – выдать англичанина Майкла за чаемого Михаила III!

Майкл Кентский действительно зачастил в Россию. Его уже видели на Урале, в Самаре, в Питере. Его благотворительная деятельность растет и ширится. Чего стоит одна именная стипендия в Плехановской академии. Вообще игры в попечителя обходятся принцу недешево. Им спонсирован Ожоговый центр в Москве, и он же, наконец, выпускает журнал для русских бездомных «Дно», который печатается в... Глазго! Одним словом – «пиар», назойливый и целеустремленный.

Принц является официальным патроном Российско-британской торговой палаты, в списке членов которой «Бритиш телеком», «Бритиш Газ», «Бритиш Эйруэйз» и другие, которые пока не светятся – «Бритиш петролиум» и «Шелл».

Майкл Кентский – серьезный лоббист прежде всего британских нефтяников. Но только ли роль бизнес-агента интересна ему в России? Он ведь, как-никак, внучатый племянник Императора Николая II и кузен ныне царствующей Елизаветы II Английской. Принц активно учит русский язык, хотя для бизнеса всегда хватает английского, тем более если он – родной. Все более чем прозрачно!

Петр Акопов в своей статье приводит слова замечательного русского патриота и нашего современника Игоря Огурцова, который искренне боится, что «нынешняя власть серьезно возьмется за монархический проект и все испоганит». Боюсь и я. Но автор журнала и авторы проекта нас успокаивают. Не бойтесь, ведь иного пути, как восстановление монархии сверху, у России нет.

Может быть, и нет. Действительно, утопично было бы ожидать сознательного революционного подъема масс, ведущего к победе светлых идеалов монархизма. Массы можно поднять только за водкой, и то не коллективно, а так, чтобы кто-нибудь, помоложе, за ней сбегал.

Но как нам поверить, что генетически связанная с разрушителями исторической России власть готова будет взять на себя небывалый нравственный подвиг по возрождению истинной православной государственности назло всему миру апостасии?

Конечно, на все воля Божия. И мы не вправе отрицать то, что везде в России есть искренние люди, патриоты. Есть они и в ГРУ, и в ФСБ. Мы даже не можем отвергать с порога мысль о том, что проект воскрешения монархии в России, если такой и родился в кремлевских кулуарах, носит истинный характер и венчает собой стремление к воскрешению исторической русской православной государственности. Мы вполне можем допустить, что авторы многочисленных проектов типа «Россия» пытаются перевести стрелку перед идущим поездом национального возрождения в псевдомонархический тупик. Разумеется, не без помощи американских доброхотов и за их же деньги.

Все может быть в стране чудес, какой была, есть и будет Россия. Но чтобы нам после очередного «чуда» не харкать кровью и не заваливать рвы своими телами и телами своих детей, предлагаю внимательно ознакомиться с материалами книги, чтобы доподлинно знать, какая она, истинная русская монархия, каковы были ее характерные особенности в прошлом и что мы чаем обрести в будущем, чтобы ни под каким видом не принимать гибельный суррогат.

Данная книга призвана оградить русское образованное общество от попадания в ловушку современных монархических проектов власти, дать ключ к пониманию проблематики монархического принципа власти в контексте современности. Доступным языком будут раскрыты хитросплетения вокруг потомков Кирилла Владимировича и их претензий на Трон. Будет дана альтернативная точка зрения на вопросы династической преемственности в рамках исторического русского самодержавия с позиций дня сегодняшнего, и будет предложен альтернативный проект для русского и шире – российского общества по реализации священной мечты – возрождения традиционной, исторической государственности в России.

Но сначала мы рассмотрим тот общественно-политический, исторический, социальный и мировоззренческий фон в России, на котором и разворачиваются идеологические баталии за и против монархического принципа в современном мире, попробуем оценить те перемены, что произошли со страной, ее политическим окружением и русским народом за последние сто лет, и понять, есть ли предпосылки к реализации проекта возрождения самодержавной власти и насколько вообще реальны планы по возрождению такого исключительно традиционного института власти, каким является монархия, в современной постсоветской стране, называемой Российская Федерация.

Глава I. Монархическая государственность – консервативная утопия или вектор национального обновления

Чем был монархический принцип для исторической России: формой, обусловленной историческим временем и геополитическими реалиями, неким священным кодом нашего национального бытия? Чем монархия может быть сегодня: анахронизмом или творческой идеей нашего будущего?

Истоки национальной трагедии

Удивительный, парадоксальный гений отечественной литературы Лев Николаевич Толстой в день, когда узнал о своем официальном отлучении от Российской Православной Церкви, с обидой записал в дневнике слова, ставшие, как часто бывает у гениальных людей с их необычной, мистической чуткостью к повседневности, которая большинству кажется серой и незначительной, суровым историческим приговором целому народу.

Толстой писал, что, в сущности, вмененное ему в вину Синодом, в общем и целом, общественное мнение абсолютного большинства всех интеллигентных людей России. «Так пусть Синод будет последовательным и отлучит всех» – примерно так взывал Толстой к «справедливости» в своем дневнике.

Синод не внял. Впрочем, если бы даже и последовало подобное небывалое отлучение, оно никак не могло бы изменить трагического положения дел или образумить, напугать заигравшихся в либеральные бирюльки аристократов, буржуа, разночинцев, офицерский корпус или прямо взбесившихся от страстного желания «землицы» крестьян. В Церковной ограде Императорской России оставалась лишь горстка верных Истине. К февралю 1917 года православная монархия являлась историческим фантомом: в стране почти не было пламенно верующих людей и искренне преданных идеалам монархизма граждан.

О развязке этого трагического узлового момента российской истории написано много. Узел этот был разрублен безжалостным большевистским ятаганом. Далее – моря крови. Рвы с телами некогда прекраснодушных мечтателей о всечеловеческом счастье. ГУЛАГ, набитый уже другими мечтателями, о «черных переделах». Небывалое в истории предательство ведущего слоя огромного народа своих духовных основ и безумное разрушение государственного фундамента всей политической, культурной и частной жизни народа. Прямым следствием стала братоубийственная Гражданская война и чудовищная мясорубка, унесшая миллионы жизней лучших представителей нашего народа, – титаническое советско-германское противостояние. А оно, в свою очередь, чуть было не похоронило русских как этнос, едва не превратив нас в пыль веков, гоняемую туда и сюда злыми ветрами Евразии, поднимаемую копытами лютой конницы монгольской орды или валами китайского этнического океана.

Эти факты известны и, вероятно, оценены многими соотечественниками.

Давайте поговорим о вещах не столь очевидных, о вещах, способных и сейчас вызвать болезненную ненависть, глухое, «сектантское» непонимание огромного числа наших сограждан, буквально зомбированных советской и современной российской историографией.

Прежде чем мы с вами, уважаемый читатель, попытаемся ответить на главный вопрос данной главы нашего исследования о перспективах монархической государственности в быстро меняющемся современном мире, нам было бы неплохо хотя бы попытаться сделать первый шаг к постижению смысла нашей недавней, новейшей истории.

Постигнем ли мы смысл новейшей истории?

Есть общеупотребительная формула повествовательного дебюта, вроде того как: «Вглядываясь в прошлое с высоты сегодняшнего дня...» Так с высоты ли мы смотрим в прошлое? Боже мой, с какой там высоты! Мы с вами стоим в болотистой и смрадной низине, с трудом нащупывая под ногами твердую почву, состоящую преимущественно из обломков прошлого, скатившихся с величественных и сверкающих высот Истории. Стоя на этих великих обломках, мы с тоской смотрим снизу вверх, с той невыразимой тоской, которая сродни чувствам нашего прародителя Адама после изгнания его из Рая.

Есть ли другой смысл у Истории, кроме энтропии, вырождения и упадка всего, что некогда было величественным, прекрасным и могущественным? А если есть, то сможем ли мы его постигнуть, и, постигнув, найдем ли в себе силы действовать в соответствии с познанными истинами? Внятна ли нам замечательная восточная мудрость: знать и не действовать в соответствии со знанием – значит не знать вовсе?!

Для познания Истории прежде всего необходимо правильно ориентироваться в современности. И здесь я прошу прощения у читателя за банальности, которые вынужден повторить.

Любому психически здоровому человеку ясно, что мы живем в эпоху торжествующего Хамства, тупой сытости верхов, обездоленности низов и всеобщего, равно разделяемого и теми и другими состояния нравственного распада, почти скотства. В той или иной мере мы все с вами вынуждены делить это скотское состояние со своим многострадальным народом, являясь его неотъемлемой частью.

Глядя на все это, я с ужасом думаю – не это ли венец трагической истории Российской?

А к чему тогда были реки пролитой крови подвижниками и героями, к чему? К тому, чтобы, в точном соответствии с определением нашего национального гения, мыслителя и публициста К.Н. Леонтьева, безобразный, жирный буржуа и его собрат, вороватый посткоммунистический номенклатурщик со стеклянными глазами, только изредка вспыхивающими огоньком похоти, благодумствовали за счет обнищания сотен миллионов своих же сограждан.

И что же, в этом весь смысл нашей трагической истории? За это наши предки поливали эту землю кровью не одну сотню лет? И это мы должны признавать венцом человеческой эволюции?

Чушь! Достаточно взглянуть на лица современных властителей дум, вещающих с телеэкранов, на лица расхитителей государственных средств, управленцев самого высокого статуса современной «Эрефии», чтобы невольно воскликнуть: «Кинг-Конг, т. е. питекантроп, жив!» Он среди нас, он коллективно правит нами и навязывает нам свои первобытные ценности. Неужели смысл нашей истории только в том и состоял, чтобы удивить все человечество антидарвиновской контрэволюцией человеческого типа?

А она, в свою очередь, порождает непознанный, но наглядный процесс регресса.

Стоит ли теперь удивляться, что неожиданно возвращается в наши дома отвратительная ложь красного мифа, оказавшаяся не такой уж чуждой для современной новорусской буржуазии. И не просто возвращается, а нагло навязывается с телеэкрана, откуда ласково глядят на нас «комиссары в пыльных шлемах». Они снова герои!

На них прекращено пятилетнее (и достаточно условное) гонение ельцинского периода. Эти монстры – деды современных героев нашего политического истеблишмента, прожившие в землю миллионы русских людей, вновь вырываются из преисподней, чтобы стать «героями» наших детей. Случайно ли, что за последние десять лет не снят ни один честный фильм про Гражданскую войну. Ни один герой противостояния сатанинской власти в России,

по сути, не прославлен. В каждом городе стоят истуканы Ленина. В каждом городе названия улиц и площадей исковерканы фамилиями изуверов-большевиков. Великая криминальная революция не в силах отказаться от своих отцов-основателей!

Возвращение красного мифа – не просто примитивная идеологическая эклектика современного времени, лишённого идеалов и пытающегося играть на всем, на чем можно. Нет, в этом никак нельзя видеть детскую забаву современных политтехнологов, потехи ради составляющих забавные коллажи из своих любимых героев детства: матроса Железняка, железного Феликса, комиссаров в пыльных шлемах, крокодила Гены с Чебурашкой и Мальчиша-Кибальчиша. Это не коллаж, а хорошо продуманная «религиозная» реформа, при которой тщательно возводится капище «героев» новой власти. И весь этот отвратительный интеллектуальный разврат внутренне мотивируется одной странной уверенностью его адептов: если Бога нет, то нам все позволено. В частности, позволено этого бога «слепить» из того, что под рукой, а слепив, мы заставим его бить челом всем и вся.

«А ведь его вроде как нет, – боязливо спрашивают они сами себя. – Ну, где же он? Вот ведь и космонавты были в космосе, а ничего такого не увидели. Может, прав был Ницше по поводу того, что Бог, ну, типа того, ну, как бы умер».

Значит, нужно жить здесь и сейчас, зубами рвать всех за свое счастье, официально называя его народным. За то самое счастье народное, за которое бились красные комиссары. Вот оно – голые бабы буквально во всех журналах, не исключая и «Мурзилку», и льготные выплаты российской нищете.

А что же народ? Обидно и страшно, но он, «народ-богоносец», в принципе, со всем согласен. Он вполне свыкся с мыслью, что ему лучше живется без Бога и Царя. Он неплохо чувствует себя в далеко не уютном всероссийском стойле. Хозяевам этот двуногий скот обходится не так уж и дорого: содержание иного породистого скакуна дороже, чем какого-нибудь села со спивающимися мужиками. Народ-то у нас терпеливый. «Ну что тут поделаешь, раз идут реформы...»

Занятно, но о том, что они все еще идут, говорят теперь как-то глухо и стыдливо.

Даже странно, что этому народу по-прежнему невдомек, насколько его обобрали. «Экспресс-газета» – заурядная бульварная газетенка – недавно описывала одну забавную пьянку в ресторане «Прага» в Москве, где представители еврейской общины запросто скидывались на таблички, призванные увековечить имена самих жертвователей и их родных в стенах Московской синагоги. Собирали деньги бывший обер-хохмач советской эстрады Геннадий Хазанов. «В шесть секунд собрали 420 тысяч долларов», – восхищенно свидетельствует репортер. Ох и славные же будут таблички! Удивительно: люди просто достали из кармана «честно заработанную наличку» и немного отсыпали в «общак».

Ау-у-у, русский народ, ты все еще ждешь, когда тебе выплатят зарплату за позапрошлый год? Или, быть может, ты терпеливо ожидаешь, что правительство найдет недостающие средства и ликвидирует лекарственный кризис, им же самим и спровоцированный?

Чудак, лучше вставай в очередь за травой, записывай номерки на руках. Скоро тебе питаться ею, но не бесплатно, конечно.

Ты, наверное, премного удивишься, терпеливый мой народ, но люди из «Праги» и им подобные уже приватизируют и российскую траву. Так может быть, стоя в очередь за силовом, голодные и глупые, мы наконец поймем, что жизнь без Бога – жизнь животная, а может, и того хуже. Может, постигнем, что смысл нашей истории в том, чтобы забывшие Бога и предавшие Царя на поругание человекоубийцам очнулись и поняли наконец: кровь мучеников за Веру, Царя и Отечество падает на нас и детей наших особым проклятием. Особым в силу того, что мы сами отреклись от их спасительного подвига и стали послушным стадом в руках опытных живодеров. А очнувшись, сделали правильные выводы.

Смысл всех слез русских, всей русской крови XX столетия в том, чтобы искупить страшные грехи нашего народа и в преддверии конца Истории дать ему шанс очнуться от обморока и, отвернувшись от «энергии космоса», обратить свой взор к небесам, узрев простую истину – Бог есть и ждет нашего покаянного возвращения в отчий дом, в Святую Русь.

Сколько раз звучал этот призыв к нашему народу из уст праведников, из уст его истинной национальной элиты! И что же, всколыхнулся ли народ? Появилась ли надежда, что бесноватый пойдет самостоятельно в храм на отчетку? Увы!

Зато как наш «идеалистический» народ всколыхнулся от замены льгот денежными выплатами. Пусть и с помощью определенных политических структур, но завопил. Как-то незаметно, но, видимо, закономерно «народ-богоносец» стал самым мелочным, плоско буржуазным и убого-мещанским народом в Европе. То, что в Великом Новгороде, например, до сей поры в храмах XV века находятся склады гнилого картофеля и тороватые кавказцы ловко торгуют им прямо из подклетей, – это никого не обижает и не поражает, не задевает за живое. А ведь таких храмов, где молились наши предки, а теперь господствует мерзость запустения с рыночной специализацией, по России очень много. Но по этому поводу народ не бунтует. Место страшной Христовой Литургической тайны стало местом блудодеяния – а мы молчим. Не до храмов, ей-богу, когда льготы делят и раздают, раздают и делят.

Мы не народ, а навозная яма всяких нечистот. Без веры мы – смертельно больные животные. Без связи с истинной кровью мучеников и их подвигом павших за Веру, Царя и Отечество мы – пыль веков.

Отступив от Христа, мы пали ниже иудеев, распявших Бога. Оттого почти весь народ наш ныне – это бомжи, убийцы, извращенцы, алкоголики, наркоманы, идиоты. Столько зверья в человеческом облике нет нигде в мире. И это рекордное количество мрази нисколько не прибавляет гордости за Отчизну.

Не лучше и наши ухоженные зверьки при финансах – багодуществующие дегенераты, разжиревшие на нефтедолларах, отожавшиеся у государственной кормушки. Мы обогнали весь мир по количеству чиновников и милиционеров – воров и преступников. У нас поразительно много миллионеров при тотальной нищете народа. Криминал вьелся во все слои общества. Правящая элита не воспринимается иначе, как скопище особенно хорошо вооруженных воров в законе. И закон этот – основной Закон РФ, не подумайте, что это Конституция. Впрочем, и эта последняя, при внимательном прочтении, вызывает ощущение, что она написана не совсем вменяемыми людьми и уж точно безграмотными в юридическом отношении.

Гниющая жирная голова и живущее отдельно от нее тощее народное тельце – вот биологический портрет нашего социума.

И здесь я привожу в концентрированном виде отнюдь не стенания рядовых членов КПРФ. Почти все вышесказанное, особенно про правительство, я не раз слышал из уст вполне респектабельных и состоятельных людей.

Идем от головы социума ниже, к его чреву. Социальным чревом нашего больного общества можно назвать тех, кто действительно уделяет особое внимание качественному прокорму своего, уже индивидуального, чрева. Такими у нас являются не только олигархи и чиновники, но и обслуживающая их досуг шутовская «тусовка звезд голубого экрана». Не надо быть астрологом, чтобы понять, что вот эти-то «звезды» и есть самые настоящие знаки прихода последних времен. Причем удивительно, что сие обильно питаемое чрево разрастается за счет все того же худосочного тела.

Шутовство, столь презираемое в аристократический период европейской истории, стало доминирующим типом поведения не только «звезд» шоу-бизнеса с их уморительными потугами предстать этакой элитой глупой и вечно пьяной страны. Нет, шутовство и гримас-

ничанье стало неотъемлемой частью политического имиджа политического истеблишмента, в котором Жириновский – лишь самый талантливый клоун и мим.

Цирк в политике закономерно возникает в тот период, когда массам более не нужны никакие ценности, кроме льгот, товаров и услуг. Герой и гений для масс стали угрозой их спокойного и в меру (у всех разную) предсказуемого комфортного бытия. Жизнь человека теперь есть лишь существование от зарплаты до зарплаты, от пенсии к пенсии, от сделки к сделке, от ходки к ходке.

Неудивительно, что, изрядно отупев, мы, с позволения сказать, «живем» теми образами, которые нам навязывает реклама, и количество денег в кармане обывателя ничего, по сути, не меняет. Обыватель в магазине, будь то Москва или Лондон, – это всегда «мотылек, летящий на огонек распродаж». Он везде одинаков. Ведь обезьяны в зоопарке и обезьяны в цирке, по сути, тоже одинаковы, только вторых часто вывозят за границу и там показывают.

Мне могут возразить: зачем же я так сгущаю краски, чего добиваюсь – полной апатии тех, кого в России еще можно назвать мыслящими людьми? Я не сгущаю краски. Я говорю все как есть, и большинству это видно и понятно, хотя и до слез обидно. Другой вопрос, зачем я это говорю?

Если бы я хотел вызвать у человека апатию и горькое чувство безысходности, то привел бы процентов пятьдесят того негатива, что сейчас обрушил на читателя. Моя задача иная. Для правильного понимания того, что автор хочет донести до аудитории, ему крайне необходимо вызвать не сочувствие, но справедливое чувство священного гнева на тех, кто довел нас до последней черты, – гнева на самих себя за наше преступное бездействие. Нас, еще здоровых нравственно и физически русских людей, осталось не так уж много, а мы все еще пребываем в иллюзорной уверенности, что мы – многомиллионный народ.

Но даже малое стадо Христово способно завоевать мир.

Порой кажется неким чудом, что в стране, утопающей во лжи и воровстве, есть еще люди, честно выполняющие свой гражданский долг и служащие явно не за деньги, но по велению совести, по убеждению. По природе своей будучи инаковыми миру распада и подлости, эти люди остаются маяками нашего национального спасения. Милиционеры – не все, но многие – все еще честно ловят бандитов. Как правило, им дают ловить мелочь, ведь крупный бандит давно во власти. Офицеры и солдаты честно и грозно отстреливают «абреков» по приказу толстых и недееспособных командиров в генеральских погонах. Диву даешься, как вся эта система еще работает! Как люди находят в себе силы выполнять взятый на себя воинский долг, будучи стократно преданными собственным правительством и приговоренными к нищенскому рабству у жирных уголовников!

Но на этих людях держится сейчас буквально все. Их труд – ради нашего будущего, которое еще только предстоит отвоевать. Продай одежду – купи меч. Этот приказ, данный нам Спасителем, запечатлен в Евангелии и в сердцах Верных.

В наше время, когда Верных мало, мы без смущения должны выдвигать перед собой максимальные задачи. Никакого минимализма! Политический минимализм, вызванный из неверия в свои силы и в помощь Свыше, не раз уже оставлял нас у разбитого корыта с пороссячьей хряпой. На наших знаменах должно быть написано: Россия Православная, Россия Царская, Россия национальная. Национальная монархия – немедленно! Меньшего нам не надо. Меньшее – это не просто поражение, это крах всех надежд. Не в силе Бог, а в Правде. И Правда на нашей стороне.

Для подлинного национального пробуждения нам сейчас необходимо стать истинными европейцами.

«Ну вот, – скажут поборники особого пути, – опять нас тянут в Европу». Отнюдь. Историческая Европа как грядущая политическая реальность может последний раз блеснуть в воссозданной Святой Руси!

Как нам стать европейцами? Очень просто. Для этого нам крайне необходимо стать русскими, как говорится, на все сто. Еще философ Бердяев совершенно справедливо указывал, что европеец потому и европеец, что он, прежде всего и в первую очередь, немец, бельгиец, француз. Желание стать всеевропейцем, отказавшись от всего национального, есть черта исключительно азиатская. Именно азиаты, желающие перерезать себе пуповину, связывающую их с традиционными обществами Востока, мечтают, перестав быть самими собой, автоматически стать европейцами. Если мы действительно нуждаемся в том, чтобы идентифицироваться с Европейцами, то путь у нас один. Впрочем, он у нас и так один: мы должны прежде всего стать истинными «русаками».

Наша национальная интеллектуальная элита должна перестать чрезмерно увлекаться пионерами Дикого Запада, мудрецами Уолл-стрит, героями Третьего Рейха, итальянской государственной машиной времен Муссолини или Францией католических королей. При всем уважении ко многим политическим фигурам европейского мира, смело стоявшим за традиционные европейские идеалы в борьбе со звездно-полосато-серпастро-молоткастыми ордами в последней мировой войне, у нас самое серьезное внимание должно быть обращено на наших, русских героев. Особенно это касается неизвестных для подавляющего большинства русских людей героев белого сопротивления, не запятнавших себя участием или сочувствием всяческой кадетско-либеральной гнили.

Нашими идеалами должны стать идеалы Белого движения, как они отражены в работах выдающегося философа И.А. Ильина. И это прежде всего идеалы воинов-монархистов, шедших за своими начальниками, далеко не всегда разделявшими монархических настроений своих подчиненных, но от этого не перестававшими честно и грозно служить России.

У современного русского человека должен быть свой священный пантеон героев. У нас должен быть один пламенный интерес – забытая, таящая множество тайн, абсолютно неизвестная для нас Россия.

Одной из главных наших задач является забота о русской молодежи. Здесь должна быть повторена банальная мысль: без молодежи, настоящей русской молодежи, у России нет будущего. С ней же у нас есть все шансы на победу.

В качестве небольшого отступления позволю себе высказать одну мысль, которая мне до сей поры нигде не встречалась. Впрочем, я не претендую на первенство в этом вопросе.

Размышляя над причинами поражений Белых армий в Гражданской войне, я среди прочих известных причин увидел еще одну, на мой взгляд, очень важную. Общеизвестно, что большевики в течение всей войны контролировали Европейский центр России, с исключительно великорусским населением. Так вот, именно этот этнический ресурс и стал фактически залогом их побед.

Ведь действительно, не банды же наемников: диких, но трусоватых китайцев, патологически тупых латышей и всякой прочей дряни, одетой в буденновки, от бандитов типа Котовского до безмозглой крестьянской массы, еще недавно спалившей все усадьбы в России вместе с мебелью и библиотеками, могли в военном отношении оказаться выше русского офицерства и казачества.

Все дело в том, что Белые армии пополнялись за счет окраин и далеко не стойкого в идейном отношении казачества времен великих революционных потрясений и бед. Большевики же набирали в свои конные армии крестьянскую молодежь Великороссии. Молодежь, частью уже обезбоженную, замаравшуюся грабежами и насилием в событиях 1905–1917 годов, лишенную как боевого опыта, так и страстного желания воевать как за Ленина с Троцким, так и за Деникина с Врангелем. И все же воевали, вынуждены были. И как воевали!

Сейчас больно об этом говорить, но перед великорусским крестьянином, одурманенным большевизмом, не устояли ни доблестные потомственные воины-казаки, ни Белые армии, состоявшие из кадровых военных, но не имевшие в своем составе в должном коли-

честве этого уникального этноса, о котором еще Пушкин говорил как о рожденном в снегах для ужасов войны. Нельзя также забывать, что война тогда в большей, чем теперь, мере носила характер прямого физического контакта. Можно долго подсчитывать у воюющих сторон количество артиллерии, стволов и патронов, но в конечном счете нельзя забывать, что в войне конных армий все решало личное воинское мужество при прямом, на расстоянии вытянутой с шашкой руки, контакте противников. Паразитируя на природно доблестной, но политически безграмотной этнической великорусской массе, большевики одержали победы на всех фронтах. Были и другие веские причины их побед, но забывать эту нельзя. Перед парнями в буденновках не устояли ни украинские самостийники, ни «гордые» горские народы, ни прибалтийские повстанческие армии, ни поляки, наконец. И ведь не случайным является тот факт, что в последнюю войну немцы как сквозь масло прошли через наших братьев в Малороссии и Белой Руси, но спотыкнулись опять же о великорусского крестьянина. У которого, кстати, повода сражаться за Советы было значительно меньше, чем у обласканных кремлевскими преступниками малых народностей. В том числе – и братьев-украинцев, получивших свою вожделенную «незалежность» из рук банды комиссаров в пресловутых пыльных шлемах, пусть поначалу и в латентном варианте советской республики, что в итоге создало-таки политический прецедент для их современной оранжево-самостийной фронды.

Современной русской национальной элите жизненно необходимо забрать у потомков комиссаров то, что по праву принадлежит ей, а именно: саму победу, ее чувство, гордость преодоления. Эта победа, взятая в химической чистоте, без примеси большевизма и современных демократических глупостей, принадлежит нам, потомкам тех, кто выиграл сражения на полях и проиграл их в головах.

Но в силу того, что настало время интеллектуального русского реванша, отказ от ратного подвига, а тем более – отдача его на откуп мошенникам-коммунистам и современным демократам есть преступление. Чувство того, что мы способны побеждать при самых невыносимых условиях национального бытия, вселит в грядущие поколения уверенность в возможности противостоять – и победно противостоять – всему апостасийному миру. Без побед не может долго существовать здоровое национальное чувство, законная национальная гордость. Если мы будем только ныть о поражениях правого лагеря в минувшем веке, о его бездействии и порой безволии, то мы никогда не получим молодые поколения бойцов и победителей. Победы русского солдата принадлежат нам, и будущее России тоже принадлежит нам.

В свете вышесказанного нельзя не понять, что сохранность великорусов как стержневого этноса государства есть наша первоочередная задача. Только этот народ, умудрившийся на полях сражений XX века победить всех своих врагов и потерпеть при этом небывалые в истории политические поражения, доведшие его до форменного рабства, если будет здоровым и вконец не сопьется, способен будет освободить себя и бросить вызов всем мировым силам зла. Если Великороссия утонет в алкогольном море, то мировая история закончится. В этом нет никаких сомнений.

Так был ли этот миролюбивый, политически недалекий, но парадоксально доблестный и непобедимый на полях сражений русский народ на протяжении XX века политическим субъектом истории, субъектом грандиозных политических битв?

В известном смысле – не был, кровью своей оплачивая победу покорившего его режима и, самое страшное, – приближая своим военным подвигом торжество мировой апостасии. И в этом невольном грехе перед своим будущим повинны мы все.

В последней войне перед русскими людьми в поработанной России, казалось бы, был осмысленный выбор, на чьей стороне воевать. В первые месяцы войны многие бойцы, в основном из крестьян, питали некие иллюзии, что вслед за немцами идет армия Русского Царя. Вот откуда миллионы сдававшихся в плен и не желавших воевать за Сталина. Вот

откуда полтора миллиона соотечественников, вставших в ряды вермахта. И ведь, не будем обманываться, – многие воевали под немецкими знаменами не за страх, а за совесть.

Про национал-социализм в условиях жесточайшей политкорректности принято писать только всяческие ужасы. Однако несомненно, что не нацисты принесли русскому народу наибольшие страдания, которые он терпел в своей истории. Не Гитлер разрушал храмы и монастыри, убивал Царя и Императорскую фамилию, уничтожал целые сословия и закапывал в землю цвет русской нации. Не фашисты травили тамбовских крестьян газом. Не немцы, а большевики убили больше русских людей, чем их погибло во всех войнах за долгую тысячелетнюю государственную историю России. Это дело рук партии Ленина-Троцкого-Свердлова-Сталина-Хрущева и т. д. Ряд этот, без натяжек, можно продолжить до недавно почившего первого президента РФ с его «гуманнейшим», в лучших традициях либеральной демократии, расстрелом Белого Дома.

Возвращаясь к Второй мировой войне, уместно вспомнить об ошибках германского руководства. Если бы после первых же военных успехов на территории России была создана национальная русская освободительная армия со статусом союзника Третьего Рейха в борьбе с мировыми силами масонства и плутократии, то Советы проиграли бы войну в считанные недели. (Собственно говоря, когда немцы оказались у стен Москвы, они ее уже проиграли.) Не были бы пролиты тогда моря русской и немецкой крови.

Сейчас у ряда русских интеллектуалов стало модно проводить своеобразную ревизию Второй мировой войны. Национал-социалистическая Германия в построениях этих историков выглядит как священный оплот христианской цивилизации, идущей в Крестовый поход против большевизма. Нет сомнения, что очень многие бойцы вермахта и союзных с ним воинских соединений Европы именно так и воспринимали эту войну. Только вот не от большевизма они хотели освободить, вернее, оградить Европу. Русский народ, и это хорошо известно хотя бы по текстам «Моей борьбы», давно был вычеркнут из списка субъектов исторического процесса и вообще не рассматривался как его участник в случае победы Третьего Рейха. У немецкого руководства ни на секунду не возникало идеи воссоздания русской государственности хоть в каком бы то ни было виде. Борьба с коммунистической заразой велась, невзирая ни на какие потери среди русского населения. Они вообще мало волновали европейцев. Немцы шли к нам не восстанавливать историческую Россию, православное царство или хотя бы русскую республику. Они шли свергать коммунизм для того, чтобы в качестве трофея получить все то, что некогда было Россией. Не случайно, что даже вынужденные из-за трудностей на фронте терпеть русские антикоммунистические соединения в качестве подручных, немцы считали русских наименее ценным из всех европейских народов с точки зрения нового порядка в Европе после победы стран Оси. Русским бойцам полагалось самое маленькое жалованье среди всех европейских добровольцев, воевавших за Германию. Исключение делалось только для казаков, чем подогревались их сепаратистские настроения и вносились разлад и смута в русскую эмиграцию. Тяжела и незавидна роль воинов власовской армии, вынужденных терпеть такие унижения от немцев, но и не могших прекратить вторую гражданскую войну с поработителями исторической России. Не будем их судить и осуждать, ведь в конце войны Геббельс уже с почтением отзывался о власовцах, проявивших чудеса мужества на Одере.

А после войны все оставшиеся в живых генералы Рейха стали «отписываться» в мемуарах. Почти во всех этих опусах говорилось о том, что они, генералы, войну почти выиграли, но Гитлер ее проиграл. Но кроме этого, все они в один голос восхваляли небывалый героизм простого русского солдата Красной армии. Герой войны бельгиец Леон Дегрель, глава дивизии СС «Валлония», отзывался о русских как о лучших в мире солдатах. Впрочем, все наши бывшие враги отмечали безобразное руководство войсками Красной армии и бездарность офицерского корпуса, особенно в первые два года войны. Спрашивается, если русский сол-

дат столь храбр и отважен, если его невозможно сломить в бою, что же вы, господа борцы с коммунизмом, не помогли этому солдату отвоевать Родину и вернуть себе утерянное национальное достоинство? Что же вы столь мало ценили своих антибольшевистски настроенных русских союзников?

Ответ прост. Пока Европа в который раз не получила по роже русским кирзовым сапогом, она в упор не видела очевидных достоинств русского человека. Так было при Наполеоне. Так будет и всегда. Чтобы нас любила Европа – национальная, монархическая или либеральная, – она всегда должна видеть перед своим ухоженным рыльцем наш «кирзач».

Парадокс, но победа СССР заставила все силы мира с особым восторгом и уважением смотреть на русский народ. Для них это было чудо возрождения феникса из пепла революций.

И, наверное, не случайно сейчас 9 мая, в День Победы над Германией (именно над Германией, а не над фашизмом, как бессовестно врут наши СМИ), наш народ украшает себя не красными, но георгиевскими ленточками. Не имеющими никакого отношения к советской власти, но навсегда остающимися символом русской, именно русской солдатской доблести. И уж тем более символично выглядят на торжественных мероприятиях по случаю Дня Победы наши национальные бело-сине-красные флаги, под которыми на стороне стран Оси сражались с большевизмом все русские соединения, включая и столь нелюбимую всей совокупностью людей, которых грубо, но верно зовут «совком», армию генерала Власова.

Говоря о Второй мировой войне, нельзя не отметить, что сама война не есть простое продолжение политики и идеологии. Война, ее истоки, много глубже. И зачастую на поверхности действуют те силы, о которых поначалу не думают политики и идеологи разных борющихся систем. На фронте, перед лицом неминуемой смерти, встретились не советский патриот и немецкий национал-социалист. Нет, из окопов друг на друга смотрели немец и русак. Немец пришел на нашу землю и по праву победителя овладел нашими селами, нашим урожаем, нашими семьями. Немец преступил ту грань, за которой началась наша земля. Немец, где-то вольно, а где-то и нет, пересек ту незримую, но от этого не менее реальную грань, после которой Крестовый поход против большевизма стал войной против русского народа. Униженного, поработанного, расхристанного, но спонтанно почувствовавшего угрозу своим очагам и даже изрядно поруганным уже алтарям. Удивительная загадка русской истории, оценивать, анализировать, отгадывать, наконец, которую предстоит нашим потомкам. Мы все еще слишком близко стоим от этих событий. Кровь отцов и дедов еще не позволяет нам отрешенно взглянуть на эти события, оценив их в масштабе всемирной истории.

И тогда, в далеких сороковых, вековечный голос крови подсказал нашим дедам, да и большинству солдат Вермахта, что это все та же древняя борьба германства и славянства, которая никогда не затихала, продолжилась тогда, продолжается и теперь, в новых политических условиях. Можно негодовать, можно клеймить позором это расточительное противостояние двух талантливейших арийских народов, но оно – данность европейской истории.

Итак, война свела в окопах два народа-бойца. Идеология осталась в высоких кабинетах Рейхсканцелярии и Кремля. Говорят, что Сталин как-то обмолвился: «За идею они умирать не хотят, посмотрим, захотят ли за Россию». Сама логика войны подталкивала русского человека к тому выводу, что воевать действительно приходится уже за Россию, не думая, в чьих она сейчас руках. И если наш народ был закабален, а святыни его поруганы, то немцы впервые шли к нам, что называется, во всеоружии. У них были гениальный вождь и сильнейшая и идеологически единая армия за всю их историю. Более того, даже некая историческая правда была на их стороне: они первыми бросили политический вызов мировым силам зла в лице масонства и коммунистов.

Но немцы совершенно напрасно вычеркнули из списков серьезных исторических игроков поработанный, но не погибший русский народ. И произошло так, что война обнажила душу человека до самой первоосновы. После первой крови с двух сторон спала шелуха идеологием и политических вывесок. Тевтон почувствовал себя тевтоном, идущим на дикий славянский восток, а славянин встал на защиту своей поруганной Родины, как любой мужчина неминуемо встает на защиту своей семьи, даже если и он, и вся его семья находятся в вынужденном рабстве. Заработал древний родовой механизм определения свой – чужой, в котором нет места сложным идеологем двадцатого столетия. В действительности из окопов прифронтовой полосы друг друга выцеливали потомки тевтонского ордена и дружинников Александра Невского. Иной разговор, кто извлек из этого наибольшую выгоду. Но факт остается фактом: в определенный момент войны огромная часть русских людей стала считать эту войну отечественной, т. е. своей. Совершенно беспочвенны завывания современных слабоумных либералов и всяческих чиновников с кругозором заведующего овощной базой о победе нашего народа над фашизмом. В свете этой победы они никак не поймут тенденций возрождения из небытия русского национального самосознания, которое и мыслится вышеуказанными личностями как одно из проявлений фашистской идеологии. «И это у народа, победившего фашизм?» – патетически восклицают они.

Наш народ не боролся ни с фашизмом, ни с национал-социализмом, о которых вообще не имел ни малейшего представления. Он даже не догадывался о сущности этих доктрин. Речь, конечно, идет о народных массах. Народ наш воевал с Германией, что официально признавала и пропаганда Сталина, когда была выпущена специальная медаль: «За победу над Германией». Советское руководство, кроме пропагандистских штампов о человеконенавистничестве врага, старалось не заострять внимание общественности на тонкостях фашистской и национал-социалистической доктрин. Коммунисты справедливо полагали, что именно эти доктрины могли иметь особую привлекательность для населения, поставив его глухую и спонтанную ненависть к большевизму на крепкий идеологический фундамент. Русский народ не побеждал фашизм, так как он с ним и не воевал. Победа над Германией отнюдь не мешает русскому человеку взять из трофейного имущества поверженного противника именно то, что ему нужно. Это касается и научных выкладок, и идеологических разработок.

В какой-то момент народ действительно стал рассматривать военное противостояние Гитлера и Сталина как «вторую германскую войну», что было утрировано обыграно во многих фильмах советской поры. И это не плод большевистской псевдопатриотической пропаганды. Именно большевистская свора первой почувствовала, что древний инстинкт вражды двух великих ветвей арийского племени можно использовать. Русский народ оказался в этой войне без политического выбора, ведь Гитлер не нес ему не только национальную независимость и монархический строй, но и свободу. И не надо забывать, что войну для Сталина выиграли школьники, не знавшие Императорской России и воспитанные советским агитпромом. Их выбор был для них единственно приемлемым с точки зрения человеческой этики. Они же легко пали жертвой новой и лукавой сталинской пропагандистской уловки по реабилитации русскости.

Важно подчеркнуть еще и тот факт, что национальное крушение началось не тогда, когда власть в Кремле захватила «банда мирового интернационала», как о том всегда писала эмигрантская пресса. Оно началось в душах и умах нашего народа еще в девятнадцатом столетии, а у аристократии – и того раньше. Никакое внешнее вторжение не способно исцелить внутренний, душевный недуг народа. Никакой Гитлер не мог освободить русский народ от морока безбожия. Большевизм был лишь крайней фазой старой болезни нашего общества. Смысл победы Советского Союза над Германией в перспективе будущего можно оценивать только в том, что нам дан шанс самим излечиться от смертельной болезни. Только сами мы способны на это, и никакая внешняя помощь не может оказать никакого влияния на

результат. Мы победили, чтобы, сохранив свою искаленную национальную идентичность, начать долгий и трудный путь возвращения в свой отчий дом, в свое духовное лоно, которое, безусловно, должно быть очищено от болезнетворных микробов чужебесия.

Таинственная суть того, что ни доблестное и светоносное Белое движение, ни организация вооруженных сил под патронажем Третьего Рейха – РОА, РОНА, казачьи войска и вооруженные силы КОНР – не смогли свергнуть иго большевизма, состоит в том, что он был не просто внешним и осязаемым врагом, но серьезной нервно-паралитической болезнью, охватившей все ткани национального организма. Победа над большевизмом возможна была только как исцеление народа на путях возвращения к Истинной вере отцов.

Коммунизм вроде бы пал, но вирус большевизма еще не оставил наше ослабевшее национальное тело. Впрочем, можно говорить о медленном выздоровлении.

Великая Отечественная война и русское национальное самосознание – тема, которую мы не беремся здесь раскрыть полностью и окончательно. Однако важную и парадоксальную мысль, кратко высказанную выше, необходимо выделить для нашего дальнейшего повествования.

Именно победа русского народа в ВОВ открыла нам, внукам победителей, возможность без комплекса национальной ущербности побежденной нации, народа, побитого немцами, обратиться не только к идеологическому наследию нашего дореволюционного и революционного прошлого, но даже и к наследию немецкой политической мысли XX столетия, как к своему законному военному трофею. В противном случае психологическая травма народа была бы столь велика, что все немецкое, безусловно, вызывало бы лишь злобное отторжение, что, собственно, и имело место на оккупированных территориях начиная с 1943 года. Проиграй войну Сталин, и русский человек получил бы еще одну оплеуху по самолюбию, еще одно, возможно, последнее унижение, полученное на полях сражений. Это хорошо понимал генерал Деникин, который, несмотря на свою искреннюю непримиримость к большевизму, все же отчаянно желал русскому солдату победы на фронте.

Не будет преувеличением предположить, что окончательное поражение от Третьего Рейха не позволило бы новым поколениям правильно и непредвзято оценить значимость для русской истории Императорского периода, где «немецкий фон» очень значителен.

Вспомним, что последние 60 лет Российской империи были отмечены каким-то злым роком поражений. Крымская война, Японская война, неудачи 1914–1915 годов, революционный крах 1917 года и брест-литовский позор. Затем – полная неудача благороднейшего начинания в Русской истории – Белого движения. Правда, были страшные успехи Красной армии, состоявшей в массе своей из великорусского крестьянина и рабочего под управлением еще старых военспецов. И даже поражение Красной армии у стен Варшавы было не так уж и обидно для простонародного самолюбия.

Затем, увы, уже под большевистским прессом, при Сталине, начались военные победы под Халхин-Голом, трудная, кровавая, но все же победа с полным разгромом великого, сильнейшего противника – Германии, разгром Квантунской группировки Японии. Русскому человеку нельзя отказываться от этих побед русского оружия, пусть и в момент, когда Россия болела большевизмом. Голова болела тяжело, но народный организм показал необыкновенную биологическую живучесть, являющуюся следствием более глубоких, положительных аспектов национального бытия, которая стала залогом национального пробуждения и возвращения на исторические пути Святой Руси. Те самые, утерянные в подавляющей народной массе не в 1917 году, а еще в самой середине XIX века!

Выскажем и еще одну мысль, которая поначалу для многих национал-патриотов вообще покажется кощунственной. Во времена сталинщины в русском народе стало просыпаться чувство национального достоинства. Почитайте публицистику М.О. Меньшикова, и

вы увидите, что последнее столетие императорского периода нашей истории было столетием унижения роли русского народа в государстве, утраты всех его лидирующих позиций.

Элита дерусифицировалась. Массы теряли чувство национального достоинства, да и вообще национальной идентичности. Иностранцы с окраин стали выдвигать политические требования, а у русского народа не было ни сил, ни желания отстаивать свое первенствующее значение. Государственная бюрократия тоже не имела интереса к нуждам русского народа, который неумолимо и буквально физически стал вырождаться. А тут еще многочисленные военные неудачи и революционная пропаганда. Народ буквально исчезал как духовно-национальное целое, даже оставаясь биоэтнической глыбой, населявшей огромные пространства. Происходила медленная дерусификация Империи по всем направлениям, как в политике, так и в культуре и экономике. Реакция, имевшая своим выражением политику русификации окраин при Александре III, была не просто запоздалой, но и безадресной. В русификации нуждался прежде всего сам русский народ и его аристократия.

Ко всем невзгодам прибавьте утрату веры и монархического сознания в широких массах, и вот уже революция, да и советско-германская война предстоят не просто неизбежными, но и ведомыми по промыслу Божию, жесточайшими хирургическими операциями, только и способными спасти смертельно больной национальный организм.

Теперь поговорим о том, каково же было отношение к противостоянию Советского Союза и национал-социалистической Германии в Русском Зарубежье.

Если говорить о нашей правой эмиграции, то ее выбор в войне тоже нельзя назвать полностью свободным. Отказаться от продолжения борьбы за национальную Россию она не могла, а такую возможность ей предоставляли, худо-бедно, только страны Оси: Берлин – Рим – Токио. Однако у нашей зарубежной Руси были немаловажные преимущества. Она была политически более грамотна. Она была православна. Она познала свой политический идеал в Имперской монархической государственности. Она, и не без основания, надеялась претворить борьбу Германии и СССР в свою борьбу за Русь Святую как полноправный союзник Германии. Тем более, эти надежды возрастали, когда немцы почувствовали, что победы над русским народом на фронте им не достигнуть.

Увы, моря крови пролиты русскими людьми на фронтах Второй мировой почти впустую. Но бессмысленной для судеб России такая бойня быть не могла. Говорить так – значит отказываться от мысли, что на все есть Святая воля Всевышнего, а для православного сознания это неприемлемо. Смысл в этой войне был. Очевидно, что Россия была наказана немцем за вероотступничество и царубийство, но также очевидно, что и победа была дана нам Господом не случайно. И ведь это при условии, что нам противостояла лучшая армия мировой истории, а русским солдатом командовали бездарные мясники вроде Жукова, тупо бросающие людей в лобовые атаки. Большевики, Сталин, его полководцы войну эту стократ проиграли. Проиграли они ее тогда, когда офицеры Вермахта в бинокль рассматривали Москву. Войну выиграл поработанный интернационалом русский народ!

Ее выиграл не просто русский, а именно великорусский солдат. Кровь наших воинов, пролитая в последней войне, имеет смысл в том случае, если Господу было угодно не просто нас наказать, но и заставить поверить в свои силы. Силы, которые должны исцелить Россию изнутри, не ожидая прихода победоносной армии Европы, несущей нам как приз новую национальную государственность.

Один мудрый иерарх современности, Владыка Дионисий (Алферов), считает, что плодом последней войны стал рост верующих в Советской России, случившийся вопреки террору и безбожным пятилеткам. Удивительно, но православных верующих в России стало больше, чем в годы революции, когда широкие народные слои вообще охладели к вере. И раз это так, то кровь наших солдат пролита не за то, чтоб было создано государство Израиль, а Западный мир уничтожил последнюю попытку Европы вернуться на традиционный

путь своего исторического бытия, а за то, чтобы Свет Истины вновь озарил сердца русских людей, чье историческое бытие только и оправдано верностью этой Истине.

Жизнь паладинов Истины есть полная опасностей жизнь в потаенной Империи, которая, хотя и будучи сейчас под спудом, есть и ныне, как и прежде, единственно возможная форма нашего национального бытия. Мы – «Срединная империя», окруженная с трех сторон варварами. С востока нам угрожают желтые орды, с запада нависли варвары рафинированные, но не менее опасные для нашего национального бытия, а с юга наступают варвары горных ущелий, одурманенные дымом кизяка и гашиша и политически взращенные еще советчиной. Никаких иллюзий по поводу «тайно православных, патриотических президентов». Весьма вероятно, хотя и страшно в этом признаваться, что мы сидим в осажденной крепости, ключи от которой у «посадника Твердилы», более всего озабоченного, кому из осаждающих их можно с наибольшей выгодой передать. В этой ситуации от каждого русского мужчины требуется быть и богословом, и воином в одном лице. Нам остается только молиться и сражаться. Отказ от воинского подвига сегодня есть не просто дезертирство, но и совершенная утрата всякого мужского достоинства.

Архимандрит Константин (Зайцев) в своей работе 1963 года «Подвиг русскости перед лицом зреющей апостасии» писал: «Одно, превыше всего, является нашим долгом, это – охранение себя в своей качественности единственного открыто являемого „подвига Русскости“. Только так можем мы оказаться годным материалом в Руках Божиих и, в потребный момент, стать точкой приложения каких-то, нам сейчас неведомых явлений, так или иначе связанных с возникновением чаемой спасительной катастрофы». Помня о том, что две трети своей истории Россия провела в войнах, русскость мужчины в России прямо зависит от его способности в любом возрасте быть готовым стать в воинский строй, будь он даже седой профессор или пенсионер.

Воин должен обрести род, чтобы стать благородным и получить возможность посвящения в рыцари. Безродных в рыцари не посвящали. Вернуться к корням – вот наша святая обязанность!

Сейчас многие говорят, что «совкам» и горстке русских в России каким-то образом надо разделиться для проживания врозь. Странные и страшные мысли. Ведь граница между ними зачастую пролегает в семьях, а то и в мозгах отдельно взятого гражданина.

Разве мы не чувствуем, что ночь над Родиной темна и темнота сгущается? Или нас заморозили ночные неоновые огни городов, и мы воспринимаем их как гарантию того, что утром их сменит солнце? Не слишком ли мы благодушны? Как хочется верить и надеяться, что горстка верных в ночи бодрствует во всеоружии на горе Спасения в ожидании ослепительной звезды, предвещающей приход последнего и грозного русского Царя, предсказанного святыми старцами. Как же хочется увериться, что эти бодрствующие – залог того, что все мы не проспим самого важного в жизни Отчизны.

Но может, мы все уже проспали? Может, Царь в образе простецком исходил всю Русскую землю и, не обретя в ней подданных, стяхнул со своих усталых ног прах на нашем пороге? А может статься, что небывалое знамение возвестит уже и приход Царя Царствующих.

Нам не дано знать заранее, но у нас есть выбор. На этот раз он у нас действительно есть, и в этом счастливое отличие нашей судьбы от судьбы отцов и дедов.

Спаситель возвестил: «Продай одежду и купи меч». Перекуйте орала на мечи. Излечитесь от своей преступной уступчивости и приспособленчества миру сему. Готовьтесь. Кто знает, близок ли, далек ли час, когда горн позовет всех нас в наш последний «ледяной поход». И сколько нас готово будет стать в воинский строй? Наша книга – это воинская повестка для всех. Прими и распишись.

Православие, Самодержавие, Народность

Еще раз отметим удивительный и по-настоящему еще многими не оцененный факт. После Гражданской войны, после небывалых репрессий, после жуткого советско-германского военного противостояния, стоившего нам небывалых в истории мира жертв, народ и интеллигенция России стали возвращаться в ограду Православной Церкви. У советской интеллигенции проснулся интерес к древней русской истории, и это не вялотекущий процесс. По сравнению с дореволюционным религиозным индифферентизмом Россия неуклонно, даже под леденящей глыбой коммунизма, вновь становилась православной. И это действительно главное чудо XX века. После краха коммунизма этот процесс стал необратимым. Мы не будем сейчас говорить о сложности и неоднозначности спонтанного прихода больших постсоветских человеческих масс в Церковную ограду. Речь сейчас о другом. Мы не вправе забывать, что через воцерковление нам до́лжно принять тот неоспоримый факт, данный нам в наследие Церковным преданием, что Церковь имела, имеет и будет иметь свой единственный государственный идеал.

И пусть некоторые современные иерархи Московской Патриархии, Зарубежного Синода Русской Церкви или наши православные братья из других национальных церквей стараются оправдать позорную капитуляцию многих современных пастырей пред миром либерального политического разврата и апостасии словоблудием, называемым у них богословием нового времени. Мы должны твердо знать, что православная вера неотделима в своей литургической практике (и доныне!) от монархического идеала истинно христианской государственности. Для священников, переживших революционную бурю в России, стала непреложной древняя истина: «Священник-немонархист не достоин стоять у Престола Всевышнего».

Именно об этом и пойдет у нас речь ниже.

Наверное, излишне говорить, какую роль в православном богослужении играет Литургия. Не хочется повторять общеизвестных не только православным, но и вообще мало-мальски образованным людям истин.

Только для совершенно внешних скажем, что Литургия – это главный нерв жизни Церкви.

Разные части литургического действия возникали в разное время. Один из важнейших моментов Литургии – молитва «Господи, спаси благочестивыя». Возникла она в конце IV или в начале V столетия и с тех пор является неотъемлемым членом евхаристии по сей день.

Напомним, за кого издревле и поныне Церковь возносит сию сугубую молитву.

О происхождении и значении молитвы «Господи, Спаси благочестивыя», и особенно так называемых выкриков на Архиерейском служении, как и всего малого входа Архиерейской литургии, доподлинно известно следующее. В древности до окончания третьего антифона (или запов. Блаженства) ни священники, ни Епископ не вступали в алтарь. Входили же они к моменту чтения Евангелия, в сопровождении прочих священнослужителей. Со времени высшего расцвета власти византийских Императоров и кодификации церемоний императорского двора к малому входу священнослужителей приурочивалось и вхождение в церковь самого Императора. Обыкновенно Патриарх встречал Василевса у дверей притвора и вместе с ним вступал на середину храма. Затем Патриарх первый входил в алтарь. За ним входил Император. Следовали взаимные поклоны и приветствия: «Исполла эти деспота». Когда Император, войдя в алтарь, совершал поклонение престолу и каждение, протодиакон возглашал приветствие: «Господи, Спаси благочестивыя». Следовательно, в этом приветствии прежде всего издревле имелись в виду лица Царского звания.

За кого же мы с вами сегодня возносим эту молитву? Трон пуст, и ввиду этого никак нельзя согласиться, что под благочестивыми вполне уместно сегодня понимать всех верующих христиан. Как можем мы сохранять наше благочестие, когда важнейший член литургического действия не отражает реальности нашей национальной жизни, обращен буквально к пустоте, в онтологическом смысле, незанятого Трона. Несовершенство не может порождать совершенных, и благочестие Верных весьма умаляется при искаженном понимании и игнорировании священного смысла сей важнейшей части Божественной Литургии.

Литургическое действие – это не правила хоккея или футбола, когда сначала играют по одним правилам, а затем, для зрелищности, их произвольно изменяют.

Литургия исторически не развивалась, но раскрывалась к полноте. Попытки отменить ее части или придать им иную смысловую нагрузку есть умаление истины, данной нам в полноте ее исторического раскрытия к совершенству.

Эти же слова мы вправе отнести и к еще одной части Литургии, появившейся в относительно недавнее историческое время, но от этого нисколько не умаленной в своем освященном в таинстве достоинстве.

Восемнадцатым членом Литургии оглашенных до революции была молитва за Государя. После чтения Евангелия и сугубой ектении следовала трогательная молитва за Государя, установленная Св. Синодом после трагической кончины государя императора Александра II в 1881 году. Церковь возносила молитву горею о ниспослании не только здоровья и долголетия Государю, но и молитвенно испрашивала возможность Государю исполнить свой долг во славу Всевышнего и во благо народу своему.

Иными словами, общецерковное сознание не мыслило полноценной и благодатной народной жизни без возглавления ее тем, за кого она, Церковь, молилась во время главного Таинства – Литургии. Игнорировать этот факт сегодня – значит далеко отступать от веры отцов в сторону, ведущую к пропасти.

Можно бесконечно витийствовать на тему того, что догматы Православия не содержат точных указаний на верность принципам монархического правления. Но нельзя же, право, прекрасно зная, что, кроме догматов, у Церкви есть и еще одно легкое, которым она дышит (да простят мне не слишком удачное сравнение), а именно – предание, отказываться от наследия, донесенного до нас этим самым преданием и запечатленного в литургической практике и церковном обиходе.

Приведем еще примеры вышеуказанных практики и обихода.

В навечерие Рождества Христова до революционных потрясений совершались отдельно от Литургии «Царские часы». Царскими их называли потому, что на них положено было возглашать полное многолетие Государю Императору, всему Царствующему Дому и всем православным христианам. Царские часы отличались от обыкновенных тем, что на них читались особые, соответствующие празднику паремии, Апостол и Евангелие. После полудня же совершается Литургия Св. Василия Великого с Вечернею, на которой поются стихиры на «Господи возвах». В них, с одной стороны, изображается внутреннее значение воплощения Слова Божия, благодаря чему разрушилась распря между Богом и людьми, а с другой – изображается внешняя картина Рождества Христова: славословие ангелов, смятение Ирода и, между прочим, единение всех людей под властью Императора Римского Августа. Того, что по древнему римскому преданию сподобился таинственного видения в небесах Святой Девы, которая принесет миру Искупителя. Видения, бывшего ему не где-нибудь, а прямо на Капитолийском холме.

В этой службе Церковь определяет свое особое отношение к императорской власти, пусть еще языческого Рима, как освященной свыше самим фактом Рождения Христа, который при переписи населения в Иудее при Императоре Августе в «Римскую власть вписался», став Вечным Гражданином Вечного Рима.

Торжество Праздника Рождества Христова в Русской Церкви увеличивается воспоминанием избавления России и Церкви от нашествия галлов, и с ними – двадцати языков, в 1812 году. Поэтому после Литургии бывает особый благодарственный молебен, на котором до революции обязательно провозглашалось многолетие Государю и Царствующему Дому, а равно и вечная память Императору Александру I.

При богослужении в Праздник Сретения Господня пелся кондак: «Утробу Девичу освятивый Рождеством Твоим и рuce Симеоне благословивый яко же подобаше, предварив и ныне спасл еси нас, Христе Боже; но умири во бранех жительство и укрепи Императора, Его же возлюбил еси, едине Человеколюбче».

Существовали и отдельные молебны – Царские. Они были совершаемы после Литургии в Царские дни. На Царских молебнах, кроме ектении (великой и сугубой), бывало пение: «Бог Господь», тропарь, кондак, чтение Апостола и Евангелия и коленопреклоненная молитва о здравии и благоденствии Государя Императора и Его Августейшего Семейства, равно и других членов Царствующего Дома. В конце молебнов провозглашалось «многолетие».

Во дни молитвенного поминовения воинов вспоминались не просто павшие, но живот свой положившие «за Веру, **Царя** и Отечество».

Такое поистине религиозное почитание священной особы Царя не было следствием христианизации славян, но имело значительно более глубокие корни. Древний арабский текст «Худуд ал-Алам» сохранил для нас сведения о языческих воззрениях славян на природу верховной власти: «Они считают своей обязанностью по религии служение Царю!»

Совершенно естественно, что в христианстве эти воззрения получили форму оформленного, догматически осознанного, религиозного акта.

Не только сознание Церкви, но и практика созидания ее институтов были исконно монархичны, что являлось необходимым условием ее нормального существования в истории, в государстве, в социуме для исполнения своей миссии. Например, по избрании кандидата в Епископы Св. Синодом происходило утверждение его Государем, и лишь затем наречение кандидата епископом.

Это правило царственного утверждения берет свое начало в глубокой древности. Например, в 731 году на римскую кафедру был избран папа Григорий III, сириец по происхождению. По заведенному порядку в Константинополь к Императору было отправлено посольство с извещением о новом избраннике и ходатайством об императорском утверждении избрания Папы Римского!

И не стоит думать, что в этом было некое порабощение Церкви земным обстоятельствам. Отнюдь. Государь, являясь как бы «внешним епископом Церкви», был ее важнейшим членом, без которого, в определенном смысле, немислима была ее полнота в земной ипостаси как Церкви Воинствующей.

Незаслуженно забытый в силу своего нечестивого эдикта против иконопочитания византийский Император Лев Исавр, тот самый, кто, по сути, спас Европу от нашествия арабов, разгромив их под стенами Константинополя в 718 году, в официальных документах называл себя: «Я Царь и Первосвященник». Что являлось, в определенном смысле, продолжением дохристианской традиции Рима, в котором Император действительно был языческим первосвященником, верховным понтификом. Крайне важно, что этот титул был незаконно присвоен папами римскими. Незаконно потому, что еще в 730 году, отвечая на иконоборческую политику все того же Льва Исавра своим обличительным посланием, папа Григорий тем не менее признавал законное право именно Императоров на титул понтифика и иерея! В частности, в папском послании были следующие строки, призванные уязвить самолюбие Императора: «Ты написал: я Царь и вместе с тем иерей. Да, таковыми действительно были твои предшественники, которые создавали церкви и вместе с архиереями забо-

тились ревностно и прилежно об исследовании истины православия. Ты же, приняв царскую власть, не соблюл заветы отцов, но, нашедши церкви Божии блистающие золотыми украшениями, опустошил их и обнажил». Тем не менее у пап не было сомнения в том, что благочестивые Цари – суть достойные иереи Церкви. Это крайне важно, так как без царственного иерея Церковь, безусловно, лишена своей исторической полноты, что не может не сказываться пагубно на всем строе церковной жизни. С этим фактом бесполезно спорить, имея перед глазами трагический опыт прошедшего века, века потери Церковью Василевса-иерея в лице Русского Царя.

В свое время патриарх Константинопольский писал Великому князю Василию Дмитриевичу, сыну Дмитрия Донского: «Невозможно иметь Церковь и не иметь Царя».

Понимание Царя как иерея было свойственно и древнерусскому сознанию. При венчании на царство Иоанна Грозного митрополит, вместе с иными регалиями, вручил Царю и наперсный крест, что свидетельствовало именно о священническом характере Царской власти. Феодора Иоанновича же помазали благовонным миром, как при поставлении в священники, что символизировало все тот же характер власти Государя на Руси. Не случайно, начиная с Бориса Годунова, на всех официальных царских портретах Государя изображены обязательно с наперсными крестами! Кроме этого, на всех портретах с XVI века Цари изображались не в светских одеяниях, не в парадных доспехах, но в одеянии, представляющем род священнического облачения.

Крайне важно отметить и следующий немаловажный факт. В Императорской России при наречении епископом кандидат на вопрос архиерея: «како исповедуеши вочеловечение Христово» подробно излагал исповедание собственной веры и после третьего вопроса обещал со своей стороны всегашнюю, неизменную верность святой православной Церкви и Императору. Затем он принимал благословение от иерархов, и после многолетия Государю, Св. Синоду и новоизбранному все возвращались в алтарь.

Интересно, как заменен этот чин сегодня. Автор теряется в догадках. Уж не российской ли конституции обещается в верности кандидат в епископы? Право, это даже смешно, и тем не менее. Чин исповедания верности Православия и Царю указывал на особые, священные и нерасторжимые узы Церкви Воинствующей, земной и Православного Государства во главе с помазанником Божиим – Царем. И – о ужас! – почти все иерархи Российской Православной Церкви как-то спокойно, даже не заботясь о каком-нибудь наспех выдуманном чине отрешения от клятвы верности, с марта 1917 года хладнокровно возглашают в храмах «долгие лета Временному правительству». А затем, на Соборе 1917–1918 годов, никому даже в голову не пришло, что поголовная часть Собора составила из клятвоступников. А ведь если они не устояли в верности престолу, где же гарантия, что эти люди устояли в верности Христу? Приговор вынесли сами себе, приговор смертный, но не сразу это осознали. Правды ради скажем: многие из них кровью своей запечатлели-таки верность Кресту у края могильного рва под прицелом у комиссаров все в тех же пыльных шлемах и без оных.

Стоит ли удивляться, что, потеряв смысл своего исторического бытия, в первую очередь в лице тех, на ком лежало бремя духовного водительства, Россия начала буквально самоуничтожаться.

И давно осознано лучшими русскими умами, что спасение наше – в полном и бесповоротном возврате в лоно Церкви, но только Церкви, полностью восстановившей свою духовную и историческую преемственность по отношению к Русской Церкви царского и императорского периодов. Церковная организация, не способная восстановить живую ткань духовного преемства, не заслуживает права называться Православной, ибо неправое славит она Господа и не права в своей ущербной богослужебной практике.

Но возвращение наше затягивается...

Вспомним, наконец, что и сам чин коронования Русских Царей был не просто исторической формой легитимизации власти земной в глазах верующих христиан, но особым священным актом молитвенного испрошения Благодати Божией на весь народ, подаваемой, через посредство боголюбивых Государей, во освящение всей земли. Русь Святая не мыслилась православным человеком таковой без Царя – проводника Свыше подаваемой Благодати своей земле, так как святость ее в таком случае была бы невозможна по существу. Без Царя землю ожидали неурожай и непогода. Именно по этой причине, в силу такой веры, никого на Руси не удивили страшно неурожайные годы при Царе Борисе, чья легитимность после угасания Царственного Дома Рюриковичей была далеко не очевидной для русского средневекового сознания и на ком подозревали кровь отрока-царевича Димитрия.

После чтения Евангелия и возложения на Государя порфиры чин коронования Императора Всероссийского включал и следующее моление Митрополита Московского о Царе: «Одей Его силою с высоты, возложи на главу Его венец от камне честнаго, и даруй Ему долготу дней, даждь в десницу Его скипетр спасения, посади Его на престоле правды, огради Его всеоружием святаго Твоего Духа, укрепи Его мышцу, смири пред им вся варварския языки, хотящия бран, всей в сердце Его страх Твой, и к послушным сострадание, соблюди Его в непорочной вере, покажи Его известнаго хранителя святых Твоея Кафолической Церкви догматов, да судит люди Твоя в правде, и нищия Твои в суде, спасет сыны убогих, и наследник будет небесного Твоего Царствия. яко Твоя держава, и Твое есть Царство».

Вот так. Не Царство Романовых и буржуев так страстно разрушали наши предки, в лучшем случае оставаясь безучастными, но Царство Того, Кто есть Источник всего сущего. И не поделом ли всем нам?!

После этой молитвы митрополит подавал корону, которую Государь надевал сам. Митрополит же произносил: «Благочестивейший, Самодержавнейший, Великий Государь Император Всероссийский! Видимое сие и вещественное Главы Твоея украшение, явный образ есть, яко Тебе, Главу Всероссийского народа венчает невидимо Царь славы Христос, благословением Своим благостынным, утверждая Тебе владычественную и верховную власть над людьми Своими». Далее митрополит вручал Государю скипетр и державу, которые почитались как: «Еже есть видимый образ данного от Вышняго над людьми своими самодержавия к управлению их и к устройению всякого желаемого им благополучия». Государь с царственными регалиями восседал на Троне и от себя возлагал корону на Императрицу. После ряда молений певчие пели «Тебя Бога хвалим». Далее начиналась Литургия обычным архиерейским служением, и, после причащения священнослужащих, совершалось миропомазание Государя и Государыни на Царство.

Через Царские врата Царь подходил к Престолу и причащался Святых Таин по **священному чину (т. е. отдельно Тела и Крови Христовых). Так совершалась величественная служба, во время которой Русскому Царю и Царице сообщались особые Дары Св. Духа для прохождения великого и многотрудного служения.**

Для нас необходимо понять, что во время Священной Коронации совершалось торжественное и таинственное, жизненно необходимое единение Церкви с Государством в неразрывное целое. Это был действительно священный Дар благодати Св. Духа – говорим это в обличение ложного мнения рационалистически воспитанных людей о том, что отделение Церкви от Государства есть благо для обоих.

В таинстве Миропомазания со стороны Государя давалось торжественное свидетельство блюсти «святость и господство православной веры и содействовать, при помощи Царя царствующих и Господа господствующих, процветанию и благополучию своих верноподданных». Со стороны же иерархов выражалось согласие молитвенного и деятельного споспешествования царственным заботам, направленным к устройению земного бытия православных сынов Церкви и Отечества.

Богословское обоснование самодержавной власти

Собственно такое обоснование мы находим уже в Священном Писании, которое есть и пребудет единым и главным источником любых интеллектуальных построений, когда речь идет о столь серьезных вопросах человеческого бытия, как государственное строительство, чьим источником не может быть лишь человеческий интеллектуальный поиск, волевой импульс или воодушевление, но всегда более глубинные духовные инспирации.

Слово Божие однозначно, не допуская «интерпретаций», в качестве непреложного условия правильно организованного социокультурного бытия ставит перед человечеством совершенно определенную задачу организации истинно государственной жизни. В Священном Писании говорится следующее: «Итак, будем покорны всякому человеческому начальству, для Господа: Царю ли, как верховной власти, правителям ли, как от него посылаемым для наказания преступников и для поощрения делающих добро» (1 Петр. 2, 13–14); а также: «Начальник есть Божий слуга, тебе на добро. Если же делаешь зло, бойся, ибо не напрасно носит меч: он Божий слуга, отмститель в наказание делающему злое. И потому надо повиноваться не только из страха, но и по совести» (Рим. 13, 4–5).

Священное Писание учит нас, что истинная власть земная есть не эволюционирующее во времени творчество социума, но исключительно творение Божие на благо людей. Она есть часть вселенского Божественного миропорядка. Власть, пренебрегающая своей органической связью с Божественным истоком всякой земной власти вообще, не является богоданной, но только попущена за грехи наши нам же в назидательное наказание.

Святой Иоанн Златоуст писал в этой связи: «Неужели всякий начальник поставлен от Бога? – не то говорю, у меня теперь речь идет не о каждом начальнике в отдельности, а о самой власти. Существование властей, причем одни начальствуют, а другие подчиняются... все это я называю делом премудрости Божией. Поэтому Апостол не сказал, что нет начальника, который не был бы поставлен не от Бога, но рассуждая вообще о существовании власти, говорит: „несть власть, аще не от Бога, сущие же власти от Бога учинены суть“ (Рим. 13,1). Власть как Божественное установление есть по сущностной природе своей добро. Как и любое Божие творение, она может злоупотребить своей свободной волей и, пренебрегая своей природой, превратиться в начало, покровительствующее злу во всех его проявлениях, от тайных до явных.

Мы можем смело утверждать, что Царская власть в России, со всеми ее падениями и ошибками, стояла на страже священных устоев истинной христианской государственности и являлась, без кавычек, Исполнительницей добра. Ничего подобного о властях, захвативших Россию в 1917 году, мы сказать не можем. Нельзя это сказать и про сегодняшнюю власть в Российской Федерации.

Необходимо помнить, что монархия – это не просто механически исполняемая власть одного человека над народной толпой, но сложный народный организм. Структура монархического социума есть органическая система его взаимосвязанных институтов и коллективов, спаянных единой верой. Поэтому формальное воссоздание царской власти в России, повинующейся в своем высшем служении Божественным заповедям, не принесет должного плода без воссоздания внутренней живой структуры церковного народа, без возрождения системы противления злу на всех этапах государственно-общественной лестницы, начиная с семьи и индивидуума.

Но и без возрождения монархии в России невозможно полностью выполнить задачу по восстановлению органической структуры общества, пронизанного христианской верой. Эти две задачи взаимосвязаны.

Апостолы и святые отцы оставили нам учение об истинном государстве как о монархии. Древние прекрасно видели то зло, которое происходит только от единой допускаемой возможности захватить верховную власть исключительно по прихоти или страстному желанию править. Буйство человеческих страстей на верхушке социальной пирамиды приобретает адски разрушительный размах. Укоренение во зле у таких искателей «трона» происходит еще на долгом пути борьбы за власть. Демократическая процедура выборности главы государства преобразует «политическое поле» народа в пастбище именно для таких отпетых негодяев.

Очень важно здесь показать, что именно Священное Писание свидетельствует о том, что институт монархии должен быть институтом сугубо национальным. Корень национальной государственности мы вправе усматривать именно в Библейском законодательстве. По вопросу таинственного взаимоотношения крови и души Священное Писание свидетельствует: «...кровь есть душа...» (Втор.12, 23).

Не случайно в этой связи в Моисеевом законодательстве читаем: «Когда ты придешь в землю, которую Господь, Бог твой, дает тебе... и скажешь: „поставлю и над собою царя, подобного прочим народам, которые вокруг меня“, то поставь над собою царя, которого изберет Господь, Бог твой; из среды братьев своих поставь над собою царя...» (Второз. 17, 14–20).

Необходимость царя из среды братьев своих не есть голый биологический национализм древних, но правильное понимание того, что национальность государя и его духовный акт прямо взаимосвязаны, и это не должно быть в пренебрежении у того народа, который является прежде всего народом-Церковью, хранителем Истины. И это тем более важно для монарха христианского, особенно для монарха такой державы, как Россия, созданной потом и кровью именно русского народа.

Отметим, что вечное преимущество монархии перед республикой именно в том, что к власти приходит не рвущийся к ней любым путем, а тот, кому Божиим промыслом указан подвижнический путь исполнения правды – истинный Царь, чья законность безусловна и исключительна в свете Священного Писания и Священного Предания.

Святые отцы Церкви о монархии

Эту главу мы посвятим исключительно цитатам, что вроде бы и не принято в книгах. Однако на самом деле совершенно излишне, глупо и самонадеянно, вредно, наконец, для душевного здоровья пишущего и читающих вторгаться в текстовую ткань, «сшитую» людьми, достигшими еще при жизни святости и навсегда ставшими путеводными маяками церковного народа.

Святой Иоанн Златоуст писал: «Имея попечение о благоустройстве людей, чтобы многие из них не жили бессмысленней зверей, Бог учредил власть начальников и царей, как бы бразды для управления кораблем». Златоуст же говорит: «Итак, должно воссылать великую благодарность Богу и за то, что есть цари, и за то, что есть судьи».

Св. Исидор Пелусиот свидетельствовал: «Начальство и власть царская установлены Богом. Но если какой злодей-беззаконник восхитит сию власть, то не утверждаем, что поставлен он Богом, но говорим, что попущено ему».

Свт. Григорий Богослов утверждает: «Блажен, кто многотрудными руками чтит Царя и для многих служит законом жизни».

Свт. Дмитрий Ростовский учит: «Лицо и сан Царя христианского на земле есть живой образ и подобие Христа Царя, живущего на небесах».

Преп. Серафим Саровский наставляет: «После Православия они (цари) суть первый долг наш русский и главное основание истинного христианского благочестия». А также: «В очах Божиих нет лучшей власти, чем власть Православного Царя».

Неоднократно высказывался на тему монархической власти и митрополит Филарет (Дроздов). В частности, он писал: «Благо народу и государству, в котором единым, всеобщим и вседвижущим средоточием, как солнце во вселенной, стоит Царь, свободно ограничивающий свое неограниченное самодержавие волею Царя Небесного, мудростию яже от Бога... Народ, чтущий Царя, благоугождает через сие Богу, потому что Царь есть устройство Божие... Бог по образу Своего небесного единоначалия утвердил на земле Царя; по образу Своего небесного вседержительства устроил на земле Царя самодержавного; по образу Своего царствия непреходящего... поставил на земле Царя наследственного».

Св. праведный Иоанн Кронштадтский учительствовал и по-отечески наставлял: «Запомните: если не будет монархии – не будет и России. Только монархический строй дает прочность России, при конституции она вся разделится по частям». Он же предупреждал: «Держись же, Россия, твердо веры своей, и Церкви, и Царя Православного, если хочешь быть непоколебимою людьми неверия и безначалия и не хочешь лишиться царства и Царя Православного». К нам обращается Всероссийский пастырь из прошлого: «А вы, друзья, крепко стойте за Царя, чтите, любите его, любите Святую Церковь и Отечество и помните, что самодержавие – единственное условие благоденствия России; не будет самодержавия – не будет России».

Вторит ему преподобный Варсонофий Оптинский: «Наш Царь есть представитель воли Божией, а не народной. Его воля священна для нас, как воля Помазанника Божия; мы любим его потому, что любим Бога. Славу же и благоденствие дарует нам Царь, мы принимаем это от него как милость Божию. Постигает ли нас бесславие и бедствие, мы переносим их с кротостью и смирением, как казнь небесную за наши беззакония, и никогда не изменим в любви и преданности Царю».

Св. Патриарх Тихон обращался к верующим: «Царь есть „батюшка“ для народа, как трогательно называет его сам народ. Мы же, братия, будем молить Господа, дабы Он и на далее сохранил для России Царя самодержавного и даровал ему разум и силу судить людей и державу Российскую в тишине и без печали сохранить».

Есть и примечательные высказывания зарубежных иерархов. Например, Антоний IV, Патриарх Константинопольский, утверждал: «Невозможно христианам иметь Церковь, но не иметь Царя. Ибо Царство и Церковь находятся в тесном союзе и общении между собою, и невозможно отделить их друг от друга».

Григорий IV, Патриарх Антиохийский, говорил: «Святая, Богом благословенная и Ему угодная форма государственного правления есть самодержавная, возглавляемая самим Богом поставленным Единодержавным Скипетродержцем Царем, который есть не обыкновенный человек, а Помазанник Божий, получивший при священном помазании сугубую благодать на великое и трудное дело управления народом». Он же подчеркивал следующее: «Укреплять святую мысль через Писание, быть верным защитником Православной веры, самодержавного Царя и Отечества есть славное и святое дело, самое главное, дело первостепенной важности и приятное Богу».

Митрополит Антоний Храповицкий внушал своей пастве: «Неразумны и неправдивы те люди, те писатели и ораторы, которые говорят, будто Православная Церковь Русская могла и может существовать при всяком государственном строе, начиная с республики. Надо голову потерять, чтобы говорить такие несообразности. Никакой другой власти, кроме власти богопомазанного Царя русского, наш народ не будет доверять... Если мы не примыкаем к обоим бунтам 1917 года, то есть к бунту господскому, или февральскому, ни к бунту солдатскому, или еврейскому, или октябрьскому, то должны признать, что согласно Законам, согласно древнему разуму и примеру прежних Государей... Власть Царскую получает законный наследник сам по себе, то есть прямо от Промыслителя Господа без всякого избрания...» Здесь позволим себе сделать маленькое отступление. На эту последнюю фразу очень неадекватно, радостно реагируют современные ревнители несуществующих прав на Российский Трон Марии Владимировны, дочери В. кн. Владимира Кирилловича. Используя тот факт, что после провозглашения самого себя императором отец Владимира Кирилловича, Кирилл Владимирович, принимал у себя владыку Антония, и указывая на благожелательные отклики последнего о Кирилле Владимировиче, они уверяют, что Русская Зарубежная Церковь соборно решила видеть в Кирилле Императора Кирилла I. Ссылаясь на Закон о престолонаследии Павла I, который сам по себе во многом не согласовывался с Преданиями Церкви относительно брака христианина и перечеркивал древнюю исконно русскую династическую традицию в вопросе бракосочетания, «кирилловцы» договариваются до того, что Трон онтологически не может быть пустым. Якобы Закон предусматривает непрерываемую линию наследования. И таким образом, считают они, даже без самопровозглашения Кирилл Владимирович автоматически был Императором Всероссийским, а Церковь просто признала этот «закононепреложный» факт. Однако достаточно указать на то, что никто из первоиерархов Русской Церкви за границей даже не пытался миропомазать на Трон новоиспеченного Императора, как все эти вымыслы относительно безупречной легитимности и законных прав на Трон становятся очевидными даже неискушенному человеку. Окормляя Кирилла Владимировича как сына Церкви, уважая его как члена династии, Церковь не признала его законным Императором. В противном случае, и если бы Трон действительно по закону не мог оставаться пустым, акт миропомазания состоялся бы. Но он действительно онтологически далеко не пуст. Просто «Кирилловичам» всегда не хватало самой малости – истинной веры. Православие они исстари рассматривали только как один из атрибутов Русского монарха, но атрибута, значительно уступающего в их сознании законам Российской Империи, рухнувшей под водительством именно этих законов.

Трон действительно не пустует. Царица Небесная со своим Предвечным Младенцем есть от начала времен наследница Трона и тронов, о чем красноречиво свидетельствует верующему сердцу икона Державной Божией Матери, явленная в селе Коломенском в день отре-

чения святого Императора Николая. У Трона этого незримо предстоят молитвенники за нас и за Россию – последний русский Царь, его семья и их слуги.

И Промыслитель Господь, конечно, найдет способ доходчиво явить нам свою волю и указать законного Царя, помимо давно упраздненных историей законов, под юридическое действие которых давно не подпадает ни один генетический наследник бывшего императорского Дома Романовых.

И закончим мы цитирование мыслей знаменитых учителей и пастырей Церкви мыслями прот. Иоанна Восторгова. Он писал: «Вместе с верою и любовью к Богу непоколебимая, веками утвердившаяся и освященная церковью любовь к Царю служила могучим оплотом нашей народности в исторических судьбах ее... Господь Бог устроил Царя в Свое место, посадил на царском престоле суд и милость».

Сегодня, посягнув на священные основы нашей государственности на монархический строй, упорствуя в нежелании признать очевидным факт, что самодержавие не анахронизм, а единственное условие нашей национальной и государственной жизни, мы, сами того подчас не понимая, бросаем безумный вызов Божественному промыслу о нас. Упорствуя в сатанинской гордыне, в неприятии непреложной истины, мы роим себе и нашим детям не просто могилу, а прямо пропасть в зев ада.

Биологический фундамент Государственности

Любому здравомыслящему и в меру ученому человеку понятно, что любое государственное образование – исключительное политическое творчество одного народа. Никаких многонациональных государств в строгом смысле слова не существует. Когда вы читаете в учебниках истории о том, что Рюриковичи правили в многонациональном государстве под названием Древняя Русь, знайте – вам лгут. Русь есть плод государственного таланта исключительно и только русского народа и его исконной, священной династии, связанной в представлении еще наших языческих предков с высшими мирами через сопричастность божественным предкам – чурам и прямо миру древних богов.

Державный народ создает особую политическую форму своего существования, присущую только ему, так же как одной человеческой душе присуще ее собственное тело, которое с этой душой неразрывно связано. Народ имперский есть народ – носитель универсальных духовных ценностей, которые он приносит другим народам. Часто эти ценности навязываются силой. Часто более слабые народы сознательно принимают всю систему ценностей народа-завоевателя и становятся его союзниками, партнерами по государственному строительству.

Но дух государства, его кровь и плоть – это выражение души, нравственных идеалов и физических усилий одного единого народа. Государства рождаются как результат исключительных усилий конкретного этноса, и они неминуемо гибнут, когда державный этнос растворяется в море покоренных народов. Когда его ценности и идеалы подвергаются ревизии и пересмотру, когда они размываются чужими ценностями и идеалами.

Все империи утрачивали свои ярко выраженные национальные черты вследствие недуманного допущения завоеванных народов в тело государственности на равных правах с народом – носителем государственной идеи. И утрата национальных черт всегда и везде вела к гибели империй.

Властной элите никогда нельзя забывать, что сила государства – в его национальности. Это не подразумевает угнетение народов, входящих в состав имперского государственного тела, но и не является поводом ущемлять государствообразующий народ в его первенстве прав только из боязни обидеть «национальных малышей», пасынков государственности. Государство – не оплачиваемая сердобольная сиделка с непослушными детьми. Государство – это прежде всего народ-руководитель, народ-начальник, который обращается с работниками таким образом, чтобы они исполняли свои обязанности честно и имели за это справедливое вознаграждение. И никакой лирики на тему дружбы и большой семьи народов! Не бывает такой семьи. Семья может разрастись только до определенных пределов, и история положила таким пределом национальность. За ее границами правила семейных отношений не работают, какими заклинательными усилиями их ни пытались бы гальванизировать.

Исходя из того, что любое здоровое государственное образование имеет своим стержнем государствообразующий народ, нужно понимать и те главные задачи государственной власти, которые лежат далеко не в сфере регулирования экономических и финансовых отношений в обществе, как сейчас многие ошибочно полагают.

Главным фактором процветания и прогресса государства во всех сферах должна быть национальная идея. Государство призвано пестовать лучшие черты народа, создавать такие условия жизни, когда эти черты могут беспрепятственно раскрываться. Именно этой цели и должна служить власть, а не исполнению материальных прихотей той немногочисленной части народа, сплотившейся в некое сообщество через специфические механизмы фильтрации нравственно худших представителей социума, которые ныне, по недоразумению, служат инструментом выделения элиты, оказавшейся у кормила государственного корабля.

Подробнее об этом вы сможете прочитать в заключительной главе данной книги.

Утрата и возрождение монархического правосознания

Первая государственная власть, по мнению испанского мыслителя Ортеги-и-Гасета, рождается в обществе именно в тот момент, когда религиозно оформляются его представления о мире. Именно тогда и только тогда появляется первый постоянный авторитет и первая постоянная государственная функция в виде управляющего «священнофункциями», т. е. царя-жреца, верховного понтифика. Такой правитель действительно является царем милостью Божией, а не в силу особых физических и интеллектуальных заслуг. Он избран свыше, а не многоятежным выбором от «человеков». «Первоначальная легитимность, прототипная, единственная, компактная, насыщенная, всегда принадлежала у всех народов Царю по милости Божией. В чистом виде другой нет», – свидетельствовал Ортега-и-Гасет. Он же подчеркивал, что «монархическая легитимность первородна, образцова и прототипна. Поэтому она единственная является первоначальной, и в скрытом виде она продолжает присутствовать под всеми другими формами».

Полная и безоговорочная легитимность власти – это всегда и только монархия. В определенном роде, в своем максимально возможном «чистом химическом виде» она была воплощена в державе Русских Царей. Лучшие русские умы прекрасно отдавали себе отчет, что сколь бы несовершенной ни казалась порой монархическая власть в России, особенно после утраты характерных традиционных черт времен Московских Царей и заимствований с Запада в период Империи, все равно, в случае ее устранения, рухнут абсолютно все общественные устои.

В итоге рухнула сама Россия. Канули в небытие и простые человеческие понятия о добре и зле.

Нельзя сказать, что все происходило в одночасье, явившись лишь следствием коварного заговора жидомасонов, хотя и отрицать его, в свете многочисленных опубликованных документов, глупо.

Священные понятия о Троне и алтарях стали привычкой и у нас, и у европейцев. Эти формулы перестали восприниматься серьезно. Для подавляющей массы населения они уже не несли в себе никакого священного смысла. В условиях мирного времени с ними мирились как со старой мебелью, которую когда-то, постепенно, нужно будет менять на новую. Но в условиях мирового кризиса, а именно мировой войны 1914–1918 годов, эти формулы были подвергнуты огненному испытанию на прочность. В итоге именно народные массы и не выдержали этого испытания. Ценности самодержавия, святыни веры окончательно потеряли для масс свою привлекательность. Но парадокс состоит в том, что в общеевропейском масштабе первыми от этих ценностей отшатнулась аристократия. Отшатнулась и потеряла свою абсолютную ценность в глазах самих монарших особ и их многочисленных династических родственников, равно как и всякий авторитет в широких народных слоях. Народ интуитивно почувствовал внутреннюю неуверенность буквально зависшей в социальном вакууме верховной власти в своей истинной легитимности перед лицом истории в период величайших катастроф и позволил пасть венцам в пыль. Это не значит, что в народах полностью иссякла вера в монархию как высший символ или иссякла до конца вера в Бога. Просто на Тронах народ вдруг не обнаружил тех, кто, так же как он, безоговорочно верил этому символу и полноценно олицетворял его.

Если же говорить о России, то трагедия нашего последнего Государя состояла в том, что он-то как раз был «последним из могикан», кто не только верил в символ самодержавия, но и максимально воплощал в себе священный архетип истинно христианского монарха. Однако, по словам архимандрита Константина (Зайцева), автора многочисленных трудов, посвященных пореволюционной России, наступали времена, когда идеал «Святой Руси»

потерял свою привлекательность для высших и средних слоев общества, а сама Святая Русь к концу 1917 года буквально «скукожилась» до границ чуть ли не Царской семьи и их верных слуг.

И если западные монархи и представители владельческих домов, отринутые во времена небывалой исторической драмы, без всякого драматизма ушли в частную жизнь как частные люди, то Царь Русский ушел в вечность как святой мученик за национальный идеал государственности, неразрывно связанный с верой народа. Уже в этом «уходе» начиналось его возвращение к нам как святого заступника и небесного покровителя своего народа. И этот уход был и остается залогом нашего истинного национально-государственного возрождения. Корона Российской Империи не была сдана, подобно венцам западных монархов, в антикварную лавку. Но, будучи вырванной руками палачей, она не потеряла своей священной огненной природы и, содержась под охраной в Алмазном фонде, являла и являет собой арестованный, «временно задержанный до выяснения обстоятельств» символ неоконченной Русской истории. Истории, которая не может не быть продолжена путем решительного преодоления смуты и бесплодных политических исканий, продолжена исключительно на путях абсолютного возвращения на свой, единственно возможный, исторический путь.

Падение монархического сознания было тесно связано и с переменами в устроениях христианских народов Европы. И хотя столь решительного ухода из церквей европейцев, каковым был их катастрофический бег из-под сени монархической власти, когда монархи, в силу разных причин, утратили живую связь с народом, не наблюдалось, можно с уверенностью говорить о кризисе церковной общины в целом. Ради эфемерных свобод и братства всех и вся люди потеряли понятия ценности связей в маленьких коллективах. Даже семья перестала казаться для индивидуума пристанью счастья пред лицом мирового братства, начавшегося с мировой бойни и ей же завершившегося. Растущее отчуждение от Церкви у нас в России, на первом этапе, никак нельзя связать с растущим атеизмом народных масс и аристократии, как нельзя было связать и отсутствие патриотизма с изменой монархической присяге. Расслоение Трона и государства привело к падению первого, зато от второго в условиях «свободы» ждали небывалого расцвета. Нельзя не видеть, что государственная машина поспособствовала падению монархии и получила в награду полный хаос керенщины, закончившийся большевистским концлагерем. Государство потерпело крах уже тогда, когда полагало, что сумеет напитать государственный патриотизм живыми энергиями взамен верности Трону и народности. Оказалось, что такой патриотизм, по крайней мере в России, невозможен. Ему просто не на что опереться ни в истории, ни в повседневной жизни. Он может только лгать, причем – совершенно невольно, не пытаясь изначально обманывать граждан, а просто по природе несводимости исторических задач русского народа и его национальной души к той форме существования, которую ему предложило Временное правительство и предлагают сейчас. Пытаясь искусственно связать современный патриотизм с системой либеральных ценностей, государственный аппарат уже подготовил его фиаско. Если у пролетария, по ленинскому определению, не должно быть Отечества, но оно оказалось, то у современного буржуа хоть и должен быть патриотизм, т. е. любовь к Отечеству, но его-то как раз у него и нет. Не считая того, что легко умещается в кошелек. Либеральный патриотизм – это фикция. Любовь к своему обухоженному домику на Рублевке не есть любовь к Родине.

Завтра любовь с домика на Рублевке найдет себе иной объект недвижимого почитания на Багамах и так далее, вплоть до вожделенного получения американского гражданства, которое может гарантировать безопасность банковских вкладов, непонятно как нажитых, там, где массам населения внушается беспочвенная любовь к Родине, которую у них отняли. И эта новая любовь четко увязана с безопасностью вкладов. Это самые простые иллюстрации того, чем является современное государство для тех, кто сделал его своей временной

кормушкой. И им, и нам понятно, что подобная схема псевдогосударственной жизни ведет к тому, что это причудливое здание государственности, возведенное на обломках фундамента рухнувшего СССР, тоже скоро обрушится. Косметический ремонт вроде современной «стабилизации» есть побелка стен у дома, который медленно, но верно сползает с фундамента. Из руин, которые окружают это эклектичное здание под аббревиатурой РФ, оставшихся как от гибели Империи, так и от падения СССР, восстает встречное движение народного сопротивления, консервативно-революционное движение русского национализма, не желающего гибели, и уже окончательной, русского народа под обломками «Эрефии». И хотя это движение носит еще хаотический характер, уже прослеживается отрадная тенденция чувства сопричастности молодежи русского народа своему историческому предназначению. Если угодно, то это и есть подлинная демократия, только и возможная в сегодняшнем российском обществе. Нация, лишенная поддержки всех традиционных институтов, включая и государство, страстно желает взять решение своей судьбы в свои руки. Энергичное участие в политической жизни – это лишь первая ступень в возрождении истинной суверенности русского народа, давно лишенного таковой.

Массы в России сегодня стихийно приобщаются к ценностям традиционной русской государственности, что формирует сопричастность народа к политической жизни в целом. Эта сопричастность предполагает достижение целей восстановления такого политического порядка, в котором русский человек будет уверен, как в порядке, отражающем его представление о праве и правде. Сопричастность предполагает и постижение священных основ государственности, постижение той системы ценностей, которая гарантировала бы этой государственности ее легитимность в глазах Церкви, такой, какая была бы освященной авторитетом искренней народной веры. Стихийным подъемом снизу этих целей достичь невозможно. Истинный демократический, т. е. народный, национализм отличается от формальной демократии современности тем, что он инициируем сверху. Будут ли это интеллектуалы, духовная элита нации, или государственный аппарат – это вопрос условий и времени. Встречное движение народной стихии и интеллектуальных поисков элиты в определенной точке соприкосновения будет поставлено перед выбором дальнейшего поступательного движения в сторону революционной ломки или эволюционного преобразования социальных институтов.

Сейчас развитие сценария нельзя предположить, но вполне вероятно «чудесная» ситуация, когда на вершине политической пирамиды окажется группа людей, разделяющих идеологию восставших масс. Тогда преобразование Российской Федерации в истинное государство русского и союзных с ним народов пройдет по наименее кровавому сценарию, в чем остро заинтересованы все, и в наибольшей степени – национальные меньшинства, живущие на территории России, но имеющие свои национально-государственные образования за пределами современной РФ.

Истинная демократия, безусловно, заключается в возможности для самых широких масс населения быть сопричастными политической жизни государства, сопричастности власти у себя в стране, осознанной сопричастности своей исторической миссии и судьбе. Но такая сопричастность не может быть естественным плодом стихийного пробуждения масс, озлобленных бедностью и постоянным враньем властей предрежащих. Носителем и главным выразителем национального исторического идеала во всех сообществах была и будет национальная элита, чьи социальные границы в современном социуме достаточно размыты. Характерной особенностью таковой в современной России должно быть четкое осознание своей миссии как носительницы исторических, традиционных, национальных ценностей, миссии, которая сегодня не так легко выполняема, как кажется.

Современный мир жестко отторгает подобных людей на обочину жизни, где им приходится просто выживать. В этих условиях велик соблазн отказаться от тяжелой ноши носителя идеала, особенно учитывая, что массовое сознание по привычке не ищет вожаков на

обочинах жизненных дорог, но страстно выискивает их на экранах телевизора – там, куда попадают только те, чья профнепригодность на звание национальной духовной элиты подтверждена самим правом участия в телевизионном зомбировании сограждан. Но без консолидации национальной элиты, без консолидации тех людей, кому сейчас нелегко в быту, немислимо сознательное движение национально проснувшихся масс народа. Лишь элита может знать, в чем заключается предназначение нации, и транслировать это знание вниз, в массы. Лишь она способна коллективно постичь взаимосвязь между ценностями нации и ее политической жизнью. Лишь она имеет право заявить нации, что принадлежность к ней накладывает на всех осознанное обязательство свято хранить и нести перед собой, как хоругвь, священные идеалы. Только общество единых ценностей высшего порядка может называться нацией. Ценности есть характернейшее свойство нации. Через них выражается сущность народа, его духовный центр – центр, смещение которого ведет к национальной гибели.

И именно этот живительный нерв нашей национальной жизни был гениально выражен формулой графа Уварова «Православие, Самодержавие, Народность». По определению гениального русского мыслителя И.А. Ильина, последнее определение не может пониматься иначе, как творческий национализм.

Наверное, нужен был нашему народу трагический «вавилонский плен большевизма», чтобы мы не просто вернулись к своим национальным ценностям, но и подняли этот идеал на еще большую духовную высоту.

Впрочем, лучшие русские умы, предчувствуя неминуемую трагедию, сделали все, чтобы придать духовному идеалу, интуитивно разделяемому массами простонародья, научную достоверность через отчеканенную точность формулировок. Назовем русских мыслителей дореволюционной поры К.Н. Леонтьева и К.П. Победоносцева, вспомним капитальный труд Л.А. Тихомирова «Монархическая Государственность». Не забудем и яркие публицистические работы М.О. Меньшикова с твердыми, безупречными формулировками кризиса, охватившего русский народ как биологическую единицу. Из священной Триады нашего национального символа он подвизался именно на стезе разьяснения и уяснения третьего члена символа – национализма. Он же виделся ему как единственное спасительное средство против болезненной утраты русским обществом императорского периода своего национального лица. Первой политической организацией, открыто провозгласившей священные принципы бытия нашего народа и государственности, стал в 1905 году «Союз Русского народа», известный еще как «Черная сотня», чья деятельность смогла разбудить определенную часть русского общества. И хотя предотвратить революционную катастрофу «Союз» был не в силах, его роль в пробуждении русского национального самосознания огромна.

После революционной катастрофы и Гражданской войны, в которой национальные русские силы потерпели военное поражение, настало время действительного идейного пробуждения. Уже к 1921 году абсолютному большинству русской эмиграции стало ясно, что причиной всех русских бед была утрата веры и верности государственному монархическому идеалу.

Давайте же проследим этапы становления этой новой монархической мысли пореволюционного русского периода, позволяющей нам заявить, что выбор в пользу монархии есть единственно приемлемый и концептуально обоснованный лучшими умами выбор, обеспечивающий подлинное возрождение России и ее народов.

Весной 1921 года легендарный предводитель Азиатской дивизии Р.Ф. Унгерн фон Штернберг издает в Монголии приказ за номером 15. В частности, в нем не просто объявляется по войскам начало Крестового похода против безбожных сил, захвативших Россию, но и начало священной войны за восстановление Тронов, и не только Российского. На своем Желтом знамени Унгерн помещает изображение Спаса Нерукотворного, а с другой стороны

– вензель с буквой «М» и римской цифрой II. Да, Унгерн верил в то, что законным наследником Трона в России является брат Императора Николая – Михаил. Однако совершенно правы те исследователи, которые видят в вензеле на знамени указание на определенный эсхатологический фон, мистический настрой руководителя Азиатской дивизии. Унгерн шел в бой за грядущего императора, предсказанного в Священном Писании, за таинственного и сокровенного монарха последних времен – Михаила, в котором не обязательно видеть непременно брата Императора.

Это был первый осознанный политический шаг русского народа на пути возвращения к своим национальным государственным святыням, главными из которых есть и будут Православие и Самодержавие.

Осенью 1921 года в баварском городке Рейхенгалле состоялся съезд правой русской эмиграции, на котором не только было принято приветственное воззвание к Унгерну, но и впервые высказана идея о необходимости восстановления Трона в России как единственного гаранта национального и государственного существования русского народа. В том же году для упорядочения политической работы монархического фронта в Зарубежье был создан и Высший Монархический Совет, существующий и поныне. В нем мы вправе усматривать и первую попытку создать основу для легитимного Русского Заграничного Правительства. ВМС был создан из пожилых людей, занимавших должности высших сановников в Империи, и потому изначально был лишен боевого настроения.

26 июля 1922 года Великий князь Кирилл Владимирович выпустил обращение к Российскому воинству и Русскому народу, объявив себя блюстителем Государева Престола. В этом обращении он писал: «Всероссийский Земский Собор возвестит нам, кому на Руси быть законным Государем». Увы, два года спустя Кирилл Владимирович самовольно объявил себя Императором, чем внес серьезный раскол в русское монархическое и вообще освободительное движение.

В 1922 году на Дальнем Востоке, на последней свободной от большевиков территории, состоялся Земский Собор под председательством генерала Дитерихса – первая ступень на долгом пути законного восстановления исторической русской государственности. Собор призвал всех русских людей по выходе из политической смуты созвать Всероссийский Земский Собор, на котором будет указан законный Монарх и наследник Трона. Тогда же было признано, что только такой представительский орган всея Руси, как Земский Собор, имеет исключительное, легитимно бесспорное право восстановить законную русскую государственность. До созыва же такого Собора всякая власть в России есть, по сути, узурпация и беззаконие.

В апреле 1926 года в Париже проходит Российский Зарубежный съезд, значение которого для будущего легитимного государственного возрождения исторической России огромно. Съезд собрал делегатов всего русского рассеяния из 26 стран. И хотя это грандиозное мероприятие и не закончилось столь, казалось бы, логичным на тот момент созданием правительства в изгнании, на нем были провозглашены основные принципы возрождения государственности, не устаревшие и поныне. Крайне важно, что большинство участников съезда было настроено монархически, и он единодушно принял решение считать национальным вождем, вокруг которого должны объединиться все национальные русские силы, Великого князя Николая Николаевича, дядю последнего Императора. Интересно, что на это решение съезда крайне негативно отреагировал самопровозглашенный «император» Кирилл Владимирович, поставив себя в оппозицию к широкому национальному движению Зарубежья и занявший позицию неприятия этого объединения вместе с либерально-кадетским «болотом» господ Милюкова и компании.

В 1929 году в Париже же был сделан еще один важный шаг на пути восстановления исторической России – создан Российский Имперский Союз (РИС).

Он был задуман как боевая единица Высшего Монархического Совета, в котором православные, истинно русские люди Зарубежья видели единственно возможную базу для создания Русского Заграничного Правительства, обладающего всей полнотой легитимной преемственности по отношению к Императорской России. ВМС и сейчас является старейшей действующей русской организацией в Зарубежье. В 1921 году ВМС собрал в своих рядах высших чиновников Империи и часть монархически настроенного генералитета. Не объявляя себя официально правительством в изгнании, по причине того, что на эту роль со времен Гражданской войны претендовали левые круги Зарубежья, ВМС официально провозгласил себя полным юридическим воспреемником Российской Империи, существовавшей юридически до момента вынужденного отречения Государя Николая II. РИС, впрочем, не стал филиалом ВМС. В новую организацию входили молодые люди, не хотевшие предаваться безвольной идеализации дореволюционных порядков и полные желания сражаться за национальную Россию. ВМС и РИС не стали одним политическим организмом – у Имперского Союза началась своя политическая история, но две родственные организации сохранили теснейшую связь, в которой ВМС порой играл роль нравственного центра.

Первым председателем боевой имперской организации стал Н.Н. Рузский – блестящий офицер лейб-гвардии конного полка. Генеральным секретарем являлся Гардский, затем М.П. Тризна. Имперцы издавали газету «Имперский клич», выходившую в Париже в 1932–1936 гг. под редакцией В.А. Мшанецкого, затем Н.А. Кикина. Лозунгом имперцев от начала был: «Мы русские – с нами Бог». Орденом Союз стал в сороковых годах по инициативе одного из ярчайших его начальников – Глобачева. Эта идея была горячо поддержана Сахновским, человеком уникальной судьбы. Кроме активной деятельности на ниве просвещения (он переиздавал работы Л.А. Тихомирова), Сахновскому еще в период Второй мировой войны удалось создать и боевые подразделения РИС-О, которые участвовали в боевых действиях в Испании против коммунистов, а также входили в состав дивизии «СС» Валлония под руководством Леона Дегреля. Не без ведома этого легендарного борца за христианскую Европу Сахновский на территории СССР, оккупированной немцами, создает боевое подразделение из советских граждан, объединенных девизом: «За Веру, Царя и Отечество». Сахновский заказал для этого подразделения черные рубашки, на которые должен был крепиться в качестве нагрудной нашивки восьмиконечный крест с надписью в перекрестье: «Сим Победиши». Цвет рубашек должен был подчеркнуть преемственность по отношению к черносотенным организациям Императорской России, а равно указать на солидарность с русскими фашистами Маньчжурии и Европы, питавшими особые симпатии к чернорубашечникам Муссолини как провозвестникам Новой Европы. Заказанное обмундирование так и не удалось получить. Судьба же этих людей, предтеч новых бойцов за идеалы Царской Руси, трагична: почти все они погибли при выходе из окружения в Корсунь-Шевченковском котле. Но память о них должна навечно остаться в русских сердцах.

Это было **единственное** воинское формирование русских людей Второй мировой войны, выступивших под монархическим знаменем Императорской России!

Под руководством Сахновского Орден вел независимую политику. Сам руководитель неоднократно высказывался по поводу того, что РИС-О и ВМС – разные организации. Впрочем, это никак не отражалось на сходстве их идеологической базы. Даже печатные органы одно время были общими. Более того, впоследствии сам Сахновский был все же принят в ВМС, когда организацию после Кньюффера возглавил Д.К. Веймарн, бывший при последнем вице-председателем. Были приняты в ВМС и начальник РИС-О К.К. Веймарн, и возглавивший после него Орден И.Р. Яблоков.

Имперский Союз с самого начала своей истории был орденом не только на словах. Первый устав Союза – ярчайший пример построения в новейшей русской истории действительно орденой политической единицы. Многие члены РИС-О давали обет безбра-

чия, посвящая себя делу служения России целиком. С момента своего становления РИС-О являлся действительно боевой и самой активной частью всех белых монархических организаций Зарубежья.

Уже в восьмидесятых годах XX века Имперский Союз и ВМС волею судеб стали не просто близкими организациями, но фактически – тем самым единым политическим организмом, каким он виделся в конце двадцатых годов монархическим кругам эмиграции. После блестящей эры Сахновского обе организации возглавили братья Веймарны, причем старший, Константин Константинович, возглавил РИС-О, а младший, Дмитрий Константинович, получил из рук Тихона Николаевича Куликовского-Романова право официально возглавить ВМС. Таким образом, произошла некоторая рокировка. Организации как бы поменялись местами старшинства. Не декларируя полного единства, они шли и идут к полному сближению курсов вплоть до естественного слияния, которое может и должно произойти уже в России, на новом этапе работы.

ВМС и РИС-О – это единственные до сих пор существующие организации Русского Зарубежья, которые не просто сохранились физически и юридически, но и остаются на прежних идейных позициях, чего нельзя сказать, например, о современной Национальной Организации Витязей в Париже и Брюсселе, созданной великим русским патриотом, убежденным монархистом Н.Ф. Федоровым. Напомним, что почетной соратницей РИС-О долгие годы была последняя легитимная наследница Российского Престола Е.В. княжна Вера Константиновна, младшая дочь Великого князя Константина Константиновича, известного поэта «К.Р.».

В 1972 году в рядах РИС-О произошел раскол, спровоцированный «кирилловцами» во главе с Колтыпиным. Для решения вопроса, кто будет обладать всей полнотой правопреимства, был создан третейский суд, возглавил который человек, сочувствующий «кирилловцам». Но личная честь третейского судьи оказалась сильнее политических привязанностей, и права наследования суд закрепил за «антикирилловской» линией Сахновского, которому, по рекомендации нынешнего главы Ордена Игоря Романовича Яблокова, наследовал К.К. Веймарн. Это решение совершенно незаконно игнорируется раскольниками, которые продолжают использовать символику и имя РИС-О, обслуживая все более и более становящиеся прозрачными эгоистически-коммерческие интересы потомков Кирилла Владимировича в России.

Дмитрий Константинович Веймарн и ныне возглавляет ВМС, а Константин Константинович скончался, передав руководство РИС-О И.Р. Яблокову. Нынешний начальник РИС-О – старейший соратник как Ордена, так и ВМС.

ВМС и РИС-О на данном историческом этапе не являются мощными организациями Зарубежья, поскольку их действующих членов почти не осталось. Но это последние не замаранные политическим соглашательством структуры, несущие нам Белую хоругвь истинной Русской Церкви, чистой монархической идеи, отличной как от кирилловского соглашательского направления, так и от псевдомонархической стихии анархо-патриотовщины с частыми обострениями постсоветской шизофрении, выраженной в сочувствии культуре Сталина и прочих несусазицах.

Для организационных структур, желающих нести это Белое знамя в России, принципиально важно наследование всей полноты духовного и политического багажа ВМС и РИС-О, осуществляемое через организационное единство. Последнее гарантирует духовно-нравственную преемственность и юридическую легитимность от старейшей организации Русского Зарубежья, что, в свою очередь, позволяет с полным правом утверждать о законно приобретенных правах правопреимства по отношению к Императорской России. Бесспорность этого факта определяется тем, что Высший Монархический Совет и его законное детище в лице РИС-О – действительно единственные русские организации, которые сохраняют леги-

тимную преемственность к властным структурам Императорской России. На определенном историческом этапе для всех истинно русских людей в эмиграции ВМС играла роль Российского правительства в изгнании. Вне зависимости от того, что состав организации сократился вследствие естественной убыли потомков русских беженцев, ВМС и РИС-О сохраняют свой высочайший статус среди всех иных эмигрантских русских организаций. Рано или поздно в России встанет вопрос о восстановлении юридически безупречной и этически необходимой легитимности Верховной власти. И тогда ВМС и РИС-О будут единственным юридическим звеном, которое может связать воедино историческую правопреемственность власти в России. В данный момент ВМС играет роль интеллектуального и нравственного центра Российского Имперского Союза-Ордена.

Когда современный политический режим в России, сколь надежным и устойчивым он ни мнился бы сейчас, неминуемо окажется в глубоком кризисе, а чуждый исторической России современный строй на наших глазах будет рушиться, в России должна оказаться политическая сила, способная стоять как маяк спасения, высоко держа хоругвь христианской нравственности и знамя юридически безусловной и исторически наследственной легитимной преемственности по отношению к попорченным институтам власти Императорской России. Эта политическая сила должна быть накрепко связана с Русской Православной Церковью, с ее лучшими глубинными силами, хранящими Истинную веру вопреки и помимо раздела единого тела церковного на юрисдикции, и быть всецело готовой восстановить политическими средствами Государство Российское как державу русского народа во главе с Православным Монархом.

Созидание такой политически организованной силы должно стать первостепенной задачей всех истинно русских людей.

Такая организованная сила должна являться хранителем чистоты имперского сознания, традиций русской имперской государственности в ее первозданной самобытности, обязана хранить и транслировать русскую традицию во всех ее аспектах. Русский народ в целом, его духовное ядро верных хранителей истинного Православия должны соборно прообразовывать собой сокровенное единство верных чад мистически единой Русской Поместной Церкви, несущее во времени неповрежденную святоотеческую веру нашей Русской Православной Церкви.

Или мы действительно будем отвечать нашему сверхисторическому призванию – быть до конца времен Новым Израилем, или мы станем исторической пылью, под которой будут погребены остатки некогда великолепного здания исторической России.

В Русском Зарубежье пробуждению истинно русского самосознания способствовали и фундаментальные философские труды русских гениев: Ивана Александровича Ильина и Ивана Лукьяновича Солоневича.

И коль скоро после всех революционных потрясений к лучшим русским умам пришла мысль о том, что возрождение нормальной жизни в России совершенно невозможно без возвращения всей массы русских людей в лоно православной веры, без настоящей, фанатичной преданности сокровищу нашей религии, то неминуемо встал законный вопрос и о возрождении монархии как неотъемлемой части веры русского человека. Монархия всегда понималась православным народом как единственная законная дочь Матери-Церкви, призванная от начала христианской эры нести послушание государствовоительству.

Современное секулярное государство, в принципе, может быть только атеистическим или же специфически политеистическим, со множеством сект и мистических групп, как в США. Общегосударственная мораль в таком государстве, как правило, уже не базируется ни на каких религиозных принципах как таковых и носит отвлеченный характер. По-иному обстоят дела в государстве, которое не может отречься от принципов христианской этики, чтобы не потерять самое себя.

Если речь идет о России и ее будущем, то ни о каком секулярном государстве не может быть и речи. Построение и тем более добровольное согласие граждан на такое государство означало бы смерть, окончательный распад того, что всегда было Россией. Секулярное общество у нас может либо поддерживаться жесткой диктатурой тоталитарного образца – не очень долгий период, в который тем не менее государство вынуждено обращаться за этическим идеалом все к тому же христианскому источнику, делая это тайком или вообще неосознанно, либо симулироваться верхами, пытающимся обратить вовне этот косметически «подкрашенный» фасад социума, как того требуют правила политической игры современности. А внутри происходят совершенно взаимоисключающие процессы, которые буквально разрывают на части омертвелую ткань постсоветского общества. Не случайно все чаще и чаще государство в поисках «новой идеологической партийной линии» прибегает к услугам Церкви, впрочем, стремясь поставить себе на службу внешнюю, религиозную атрибутику, лишенную внутреннего содержания, как суррогат нового идеологического фундамента для разваливающегося социума. Но даже такие усилия знаковы.

Россия при любой власти, вольно или невольно, обращается к ценностям Православия, в которых, собственно, и содержится «ДНК» нашего национального бытия.

Протоиерей Михаил (Аскул) (цитата взята из журнала «Царский опричник» № 1 за 2006 год), в частности, совершенно справедливо указывает: «В IV веке свят. Григорий Богослов (развивая мысли Аристотеля по этому поводу. – *Авт.*) отмечал, что существует три основных формы правления: монархия, правление одного, содержащая в себе веру в одного Бога или, по крайней мере, в высшего Бога; полиархия или аристократия, правление меньшинства или лучших, связанное с политеизмом; и, наконец, власть большинства, которое свят. Григорий Богослов называет анархией (демократией), идущей рука об руку с атеизмом. Святой утверждает при этом, что православные почитают монархию, поскольку она подражает единству Бога, в то время как полиархия предпочитает рассеивание Его могущества, разделение его сущности между несколькими богами. И, наконец, анархия, правление народа, богословски заключает в себе распыление Божией сущности, иными словами, власть оказывается настолько раздробленной, что при ней становится уже почти невозможным постичь само существо Бога (Theol. Ora. III, 2).

Постараемся правильно понять эти слова свят. Григория Богослова. Святитель не утверждает, что народы всегда делают сознательный философский выбор, но из его слов скорее следует, что между богословием и политикой всегда имеется прямая связь. Эта последняя особенно очевидно проявилась в том, что можно условно назвать «политической христологией и богословием» христианского Рима, где монархия и империя подражали Боговоплощению. Подобно тому, как Иисус Христос есть одновременно Бог и человек, так и православное общество имеет два измерения: земное и небесное, соединенные между собой, как две природы Христа. При этом Василевс или Царь, империя, Император представляли собой как бы человеческую природу Христа, тогда как священство по аналогии знаменовало собой Его божество. Трудясь вместе, они способствовали совершенствованию христианского общества, наподобие того, как Совершенный Богочеловек Христос совершает дело спасения мира. Иначе говоря, Император заботился прежде всего о теле, священник же – о душе. Само собой разумеется, что подданные Императора и сам он были членами Церкви, потому что в действительности и сама Империя была Церковью». Причем такое понимание священной природы Верховной власти идет еще от античности, со времен классической греко-римской культурной традиции, сосредоточенной всецело на идее гармонического сочетания духовных и физических основ бытия, описываемого идеалом «эвритмии», т. е. понимания нормативного социального порядка как отражения порядка божественного. В христианстве «эвритмия» мыслилась как необходимое условие для «синергии», т. е. такой творческой человеческой деятельности, которая имеет своим истоком и нравственным импе-

ративом веру в Бога и в нем же находит источник энергии, подаваемой по благодати Свыше. Только таким образом, справедливо полагали древние, происходит не просто упорядочивание неструктурированной человеческой массы в коллектив, но и внесение в нее умного начала, благодаря которому эта масса облагораживается, получает способность осмысливать свои цели и задачи, а через это становится в полном смысле дееспособной.

В действительности, и это было подтверждено Четвертым Вселенским собором Церкви в Халкидоне в 451 году, отношения между Империей и Церковью со времен Константина равноапостольного были вполне сравнимы с двумя природами Спасителя: божественной и человеческой. Они соединялись, не теряя своей индивидуальности. Этот незыблемый образец истинно христианской государственности был увековечен в назидание потомкам в 6-й новелле императора Юстиниана Великого, известной как «Новелла о симфонии властей» – императорской власти и власти священства. Императоры управляли Империей, не вмешиваясь в дела Церкви, Церковь же оставляла за собой право моральной оценки деятельности Императора без поползновений на участие в светской власти.

Протоиерей Михаил (Аскул) подытоживает вышесказанное нами: «Православная Церковь всегда жила при монархии... Некоторые утверждают, что поскольку Церковь пребывает в мире, будучи сама „не от мира сего“, то ей безразличны политические структуры, и она не должна иметь никакой с ними связи... Для начала подчеркнем, что для Православия важно жить при правительстве, которое не враждебно ему и, более того, – которое благоприятствует его физическому и духовному росту. Мир принадлежит Православию, как принадлежит он Богу, поэтому Православие должно соединиться с миром, чтобы освятить его и освободить его от власти Дьявола. Ведь если Господь заповедал обратить „все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святаго Духа“ (Мф. 28,19), то мы должны допустить, что и правительства всех этих наций призваны также стать христианскими. Поэтому слова „не от мира сего“ не следует слишком упрощенно применять ни к Церкви, пребывающей среди мира, ни к народам, обращенным в христианство. Мне трудно вообразить православную демократию, особенно современную демократию – с ее плюрализмом, индивидуализмом и секулярностью. Ни одна из демократий не способна на обращение к Богу: „да придет Царствие Твое, да будет воля Твоя, яко на небеси и на земли...“

Бог – Господь и неба, и земли. И если небо и земля принадлежат Богу, то землю должен управлять помазанник Божий, а православному народу нужен православный правитель. Поэтому мы можем утверждать, что ни один православный, достойный этого звания, не может не испытывать неудобства в обществе, которое не творит волю Божию».

А не творящие Его Святую волю неминуемо начинают служить злой воле обезьяны Бога – дьяволу.

Напомним слова и одного иерарха пореволюционной смуты в России. Сказано было совершенно справедливо, что священник-немонархист не имеет морального права служить у престола Всевышнего в храме.

Две тысячи лет Церковь не знала иного вида правления, который отвечал бы ее священным задачам путеводительства людей к Царствию Небесному. Не знала не потому, что не обладала информацией об иных видах правления, как то: аристократия или демократия, но потому, что отдавала себе отчет в невозможности исполнять свое служение в полной мере при этих режимах власти. Совершенно очевидно, что перед русской общественностью встала задача возрождения монархической идеологии в понятийный аппарат политической мысли и воскрешение Русского Трона как такового в новых исторических реалиях. Выбор у нас невелик: или мы продолжаем жить в театре современного политического абсурда, в условиях беспринципной антисоциальной лже-демократии, или возрождаем, революционно и бескомпромиссно, истинную государственность в России – народную монархию.

Третий Рим или Новый Израиль

Как антагонистические тезисы эти два судьбоносных для России понятия были осмыслены покойным талантливейшим православным публицистом П. Паламарчуком. В своей одноименной работе он противопоставлял, как ему казалось, языческий имперский идеал Третьего Рима и идеал христианский – народа – носителя истинной веры, Нового Израиля. Ему совершенно справедливо оппонировали многие, в том числе и наш замечательный современник Михаил Назаров, который справедливо указал, что русский средневековый человек понимал и под Третьим Римом, и под Новым Израилем две неразрывно связанные вещи. Новый Израиль, т. е. истинный православный народ Божий, в рамках истории может существовать только государственно, и не просто государственно, но в форме имперской нации, в силу того, что ценности христианства и ценности носителей христианской веры – универсальны и не могут быть уложены в прокрустово ложе какой бы то ни было «уютной» сугубо этнической государственности или безгосударственной, вечно кочующей этнической единицы.

Вроде бы противопоставление, заявленное Паламарчуком, снято. Однако антитезу эту предлагает нам сама Новейшая история, несколько смещая понятийные акценты.

Современный православный публицист, один из авторов журнала «Царский опричник», пишет буквально следующее: «Итак, Третий Рим уже был (Россия до 1917 года) и пал, четвертому, как известно, не бывать. Русскому же народу предстоит стать вторым Израилем (разница между Израилем и Римом в том, что Израиль – Богоизбранный народ и вместе с тем – государственное образование Богоизбранного народа, Рим же – империя). Если станем новым Израилем, наша миссия будет выполнена».

Итак, снова противопоставление, причем серьезное. Автор призывает отказаться от имперской миссии России и встать на путь создания национал-теократического государства Святой Руси, которое, по словам нашего известного публициста и мыслителя А. Дугина, могут и обязаны создать новые фанатики православной веры, в чьих руках единственная возможность спасти Россию.

Вопрос о фанатиках предельно ясен. Здесь не о чем говорить и спорить. Любой здравомыслящий русский человек, а таковой по определению не может не быть православным верующим, в чем мы фанатично уверены, должен подписаться под следующими словами Владимира Петрова, которые звучат как декларация наших прав и обязанностей на текущий момент: «Пассионарность народа ныне в глобальном масштабе определяется его религиозностью. Именно в этом сейчас в первую очередь отстают русские, а не в рождаемости, или продолжительности, или уровне жизни. На самом деле выбор у нас, русских, невелик: если мы не станем народом православных фанатиков, русский народ исчезнет. Чем отличаются православные фанатики от всей остальной „оппозиции“? Их нельзя запугать и подкупить».

Автор данной «декларации» вспоминает и одно весьма примечательное предсказание, сделанное в пореволюционное время. На вопрос, для чего даны испытания России и русскому народу, прославленный во святых Божиих протоиерей о. Алексей Мечев ответил, что в «тонком сне» Господь ему открыл: «...чтобы сделать в России один народ с одним сердцем и одной душой, и очистив его огнем, Я сделаю его Моим народом, вторым Израилем. Я возвеличу Православие в земле русской, и оттуда оно возсияет на весь свет».

Суть вопроса состоит в том, что нам предлагается выбирать, цепляться ли за «призрак» «Третьей Римской империи», тратя на это последние национальные силы, или становиться действительно сугубо национальным государством – Русью Святой. Но национальным не в сугубо биологическом смысле, но в смысле духовном, что не отменяет и биологических

дефиниций, конечно, в смысле теократического сообщества истинно верующих, православных граждан, в смысле государственно организованного народа-Церкви.

Безусловно, уместно прозвучат здесь возражения в том духе, что как же нам быть с идеей Третьего Рима, с идеей универсальной христианской империи? Что земное бытование предопределено до конца времен фактом рождения во время переписи населения Империи времен Императора Августа младенца Христа, который «вписался в римскую власть», то есть стал ее гражданином, предопределив ее онтологическое, неуничтожимое бытие в рамках Истории. Совершенно очевидно, что два понятия – Третий Рим и Новый Израиль – сейчас должны быть согласованы и приведены к одному знаменателю, который мы не собираемся логически обосновывать, но обязаны просто постигнуть как заданную свыше парадигму нашего национального бытия.

Может быть, противопоставление того, что является целым, родилось в сознании наших сограждан под впечатлением потери бывших территорий Российской империи; под впечатлением трагического распада русского народа на части; под впечатлением растущего национализма окраин и животного национализма малых народов, чье историческое существование вообще обусловлено энергетическим полем действительно исторически значимого народа русского.

Наверное, это так. Тогда тем более уместно обратиться к совершенно не знакомой нами истории Византии, события исторической жизни которой во многом играют промыслительное значение для нашего отечества, ставшего законным правопреемником Второго Рима.

Историк и исследователь Византийской империи Ф.И. Успенский, описывая небывалую утрату империей территорий и народностей в результате натиска арабов в VII веке, указывал: «Как в нынешней Турции освобождение находившихся под властью ее чуждых народов способствовало сеплению и национальному возрождению турок, так и в прежней Византии потеря областей с инородческим населением сопровождалась усилением эллинского национального самосознания, выразившегося в выработке идеи ортодоксальности. Хотя византийское православие с отпадением... областей утратило в своем объеме, но взамен того оно выиграло в цельности и крепости. Реакционные элементы на перифериях группируются в усилившихся религиозных сектах; православное же византийское царство, опираясь на эллинское национальное начало, приобретает тот характер исключительности и филетизма, с которым Византия вступает в Средние века и который отличает византизм как исторический принцип».

Важнейшая, принципиальнейшая мысль кроется в этом пассаже для нашей современности. Нам буквально явлен ключ к постижению смысла последних событий в жизни нашего народа. Нам дан шанс свыше!

Действительно, Византия была лишена арабами областей с семитским (или симитским) населением, к тому же областей, не принявших решений Четвертого Халкедонского Вселенского собора и отпавших от православия в монофизитство. Но перестала ли Византия от того быть империей, быть Вторым Римом? Нисколько! Более того, эллинский национальный византизм и единоверие православных граждан вкупе с отсечением от имперской нации «зараженных» окраин позволили Империи, бывшей в VII веке на краю пропасти, прожить новую историческую жизнь длиной в восемьсот лет!

Очень важно здесь отметить, чем же был в действительности истинный византизм, воспетый нашим национальным гением Леонтьевым и встреченный с непониманием национально настроенными мыслителями, например Астафьевым, полемизировавшим, и, в общем-то, по существу, с Леонтьевым, не принимая его грекофильства с отчуждением от славянской стихии.

В действительности позиции наших мыслителей вполне примиримы. Византизм, в отличие от PAX ROMANO, отказавшись от этнически размытой имперской супернации,

сделал ставку на этнически монолитный эллинский элемент и этим спас Империю. Так и сегодня русский народ получил неожиданный и негаданный подарок судьбы, когда не надо больше тянуть за собой азиатские окраины, когда нет надобности разбавлять кровь своей аристократии кровью кавказских и среднеазиатских родов, когда, наконец, в силу обстоятельств от нас отделена часть русского народа, заболевшего смертельным недугом украинства, усугубленного предательством православной веры. Речь, конечно, не идет о всех малороссиянах. Часть из них, верная заветам своих казачьих предков, никогда не считавших себя ни украинцами, ни окраинцами, ни околоточными, ни приобоченными, но частью единого русского народа, отстаивает свое право на веру отцов и на честь и право называться святым именем русича, русского, – честь и право которые они имеют наравне с жителями Велико-россии и Белой Руси.

У нас появилась уникальная возможность стать единым народом с единой верой в национальном государстве, возможность реализовать программу русских Царей – Одна вера, один Царь, один народ. Такое государство действительно будет Новым Израилем, Святой Русью, но не перестанет при этом быть и универсальной империей с универсальной миссией нести свет Истины в мир, т. е. останется до конца времен Третьим Римом, который и сейчас прикровенно живет под глыбами рухнувшего Советского Союза и неплодоносным слоем пепла Российской Федерации. Мы останемся империей хотя бы уже в силу того, что многие народы Евразии с незапамятных времен искренне и честно связали свою судьбу с имперским русским народом и отдают себе отчет в том, что их историческое бытие напрямую связано с нами. Наши успехи – их успехи. Наша гибель – их конец.

Секта украинствующих

Теперь мы просто обязаны пояснить, почему, вопреки стенаниям многих современных патриотов из разных политических лагерей о трагедии разрыва с Украиной, мы не видим ничего негативного в том, что огромная часть некогда русской, а ныне зараженной смертельным недугом территории ушла в карантин со смешным даже для неполноценного постсоветского государственного образования названием – Украина (т. е., переводя на современный русский язык, Окраина).

Древние говорили: в имени предзнаменование. Ну что можно ожидать от страны, «гордо» заявившей о своем желании быть до скончания веков Окраиной, закоулком, обочиной?

Смешно читать нелепые опусы современных украинофильствующих дурачков об особой миссии украинского народа, о вести, которую ряженные в шаровары «хохлы» несут миру. Какая там весть, какая миссия! О чем гуторят эти хуторские хлопцы? Ах, оказывается, о свободе. Да полноте, «грамотеи» сельских школ. Все это уже было явлено миру в принципах кровавого 1789 года. Были уже и свобода, и равенство, и братство. Ничего нового в этом понятийном поле вы миру не принесете, даже если нашьпигуете старую триаду салом с чесноком.

Но не унимается вечно закомплексованный от сознания этнической неполноценности, которая генетически заложена в самом понятии украинства, малороссийский коллективный чубатый парубок. Нет, видите ли, настоящая свобода явлена была миру в «козаковании».

А по сути заключалась эта свобода в вечном непостоянстве казацкой старейшины своему слову. То они присягали панам, но предавались москалям, то бежали от тех и от этих под крыло турецкого султана. Потом со слезами умиления встречали шведов и с ними же драпали.

И все это вопреки тому, что подавляющее большинство простого народа считало себя русскими и хотело жить с царскими подданными Московии в едином государстве, единым православным народом. Однако верхушка, да и не только казацкая, но еще старая родовая аристократия, заражена была каким-то смертельным вирусом предательства родных святынь. Сначала на западе Руси предали веру отцов, за сохранение которой были пролиты моря крови, и перешли в униатство, а затем предали и само священное имя русских, чтобы по указке вроде бы ненавистных панов стать небывальными от века украинцами. Кстати, за то, что это ущербное понятие хотели насильно навязать всем простым русским честным людям Малороссии еще в 1918 году, предательской интеллигентине простые селяне, сохранявшие рыцарскую верность русскому имени и православию, попросту били морду. И в этом мордобитии было значительно больше здравого политического смысла, чем во всех сегодняшних деяниях Верховной Рады. Но в итоге вирус украинства не без помощи большевиков разъел и широкие массы народа. Украинство, зарождавшееся в умах наших вечных врагов – поляков, выпестованное в яслях Австро-венгерского генерального штаба, получило прописку в жизнь от пламенных ленинцев, и не только прописку, но и свою ущербную разбойничью псевдогосударственность. На Западе, в Галиции, украинство от своего рождения было классической тоталитарной сектой с примитивно лживой, но агрессивно навязчивой слабоумной доктриной. Ни у кого из украинствующих западенцев никогда не было действительно стройной доктрины, говорящей внятно о том, что же такое «широе» украинство, что от него остается за вычетом ненависти к «москалям» и вообще ко всем, кто сохранил верность русскости. Не существовало и какой бы то ни было стройной государственной доктрины, кроме шизофренической и исключительно эмоциональной «незалежности». Украинский язык – это искусственный суржик, питавшийся и продолжающий питаться лексикой из польского словаря,

да еще и насыщенный языковыми очистками немецкого, венгерского и английского происхождения. Даже стыдно говорить о том, что этот чудовищный новояз мог родиться путем естественного развития в рамках отдельного «незалежного» этноса.

Современные украинофилы своими филологическими упражнениями, не задумываясь, самым позорным образом фактически устанавливают памятник национального унижения вековой зависимости русских людей Малороссии от поработителей поляков, австрийцев, венгров и новых хозяев жизни – американцев. Естественно, этот позор никоим образом не пятнает славы тех истинных казаков и членов православных братств, а также огромной массы русского народа Малороссии, кто все эти века поработничества не склонил головы и продолжал героическую борьбу за православие и русскость. Увы, их потомки наплевали в их могилы, точно так же, как дети, уловленные в сети тоталитарных религиозных сект, отказываются от своих родителей. Чтобы закончить диагноз болезни огромной части русского народа, вдруг возомнившего себя в горячечном бреде украинцами-«окраинцами», скажем и об украинской неогосударственности.

Парадокс состоит в том, что Украина как государство приговорена, вольно или невольно, воспроизводить государственный архетип советчины. Получив желанную «незалежность» из рук большевиков, эта «незалежность» получила из того же источника и все шаблоны политических институтов. А из-за того, что иных шаблонов у самостийников не было и быть не могло, современная Украина приговорена в своей политической жизни воспроизводить «совок», и не просто «совок», но «совок», отягощенный какой-то прелюбодейной страстью со всей своей «незалежностью» отдаться на политической панели новым хозяевам жизни – американцем. Цена «незалежности» – всего-то лишь плата политической проститутке за оказываемые услуги. Это начали понимать все умные люди на Украине, даже те, кто еще недавно были самыми яркими фигурами украинствующей фронды. Я имею в виду, прежде всего, бывшего лидера УНА-УНСО Дмитрия Корчинского. В силу безусловных умственных способностей и таланта мыслителя, Корчинский неминуемо излечится от осложнения после болезни москвофобией, перенесенной в политической юности. Найдут ли в себе внутренние силы к излечению его нынешние сограждане – это большой вопрос. Для будущего России санитарный кордон с Украиной на данном этапе просто спасителен.

Все вышесказанное, с определенными поправками на специфику, может быть отнесено и к современной Белоруссии, чье нынешнее государственное бытие не просто есть продолжение Советского Союза на отдельно взятой этнической территории, но и вообще будет под вопросом в случае ухода Лукашенко, чьи, видимо, близкие к гениальным государственно-административные и волевые способности позволяют говорить о Белоруссии как о государственном феномене. Этот феномен без Лукашенко просто не найдет себе фундамента, помимо тягостной пролонгации жизни «совка» с постепенным, а возможно и молниеносным, но точно болезненным угасанием.

Не будучи патриотом нынешней Российской Федерации и тем более канувшего в Лету СССР, крайне негативно относясь ко всем современным разновидностям национал-большевизма, я все же имею смелость утверждать, что через лед советского режима, через пепел нынешней Федерации просвечивал и просвечивает не только подлинный лик России, но и ее незабываемый монархический архетип, о чем речь пойдет в следующих главах книги.

А пока отвлечемся на символы, которые есть не что иное, как отблески подлинной реальности, не только отображенной в иконографии символа, но и до определенной степени находящей в них свое ипостасное выражение.

Недаром утверждал французский мыслитель-традиционалист Рене Генон ту истину, что «символика есть наилучший способ научения истинам высшего порядка, религиозным и метафизическим, то есть всему тому, что отталкивает и чем пренебрегает современное сознание». Так не станем же пренебрегать Истиной.

«Символическое» возрождение на фоне демократического некроза государственности

Российская Федерация, как жестко это ни прозвучит, есть безусловный политический шизофреник, что проявляется не только в актах реальной политики, в идеологической каше в голове у властей предрежащих, но глубинно и одновременно вполне зримо – на уровне национально-государственной символики.

Мы с вами живем в политической ситуации, прямо противоположной той, что существовала при христианских Императорах и Царях.

Святой Император Константин основал христианскую Римскую Империю, в которой царская и светская власть соединены были в священной симфонии политического целого. В этом, в частности, заключается и символика двуглавого византийского орла, ставшего гербом Третьего Рима, после того как под ударами турок пал Рим Второй – Царьград.

Мы с вами живем в так называемом демократическом государстве, гербом которого также является двуглавый орел. Какой политической реальности может сейчас в России соответствовать данный символ? Только одной – возрожденной монархии. Никаким образом герб этот не может нести на своих «крыльях» ценности современной либеральной демократии. Это идиотизм в самом прямом медицинском смысле.

То же касается и нашего трехцветного флага. Напрасно пытаются навязать цветам российского триколора символику, ему абсолютно чуждую и исторически за этой цветовой гаммой не закрепленную, по крайней мере у нас. Никакими «свободами, равенствами и братствами» от этих полос в русское сердце не веет и не веяло. С таким же успехом можно серьезно утверждать, что цвета эти символизируют ценности советской молодежи семидесятых: мир, дружба, жвачка.

Замечательные мысли по поводу нашего трехцветного флага высказал в эмиграции автор «Владимирского вестника» К. Попов. В частности, в № 70 (цитирую по публикации в книге И.П. Якобия «Император Николай Второй и революция», выпущенной под редакцией С. Фомина) Попов совершенно справедливо говорит о том, что в России сложилась прискорбная ситуация с символикой флага. Если в других странах при смене власти, династии или формации всегда менялся и флаг как главный символ власти и государства, то у нас в России бело-сине-красным флагом беззастенчиво воспользовались сначала Временное правительство, затем вожди Белого движения, боровшиеся отнюдь не за восстановление Трона, а затем его использовали самые разные политические силы в эмиграции. Теперь же это символ современной Российской Федерации, позиционирующей себя на международной арене как классическая европейская демократия. Правомерно ли пользоваться сейчас этим флагом этой власти? Конечно, нет.

К. Попов совершенно верно пишет: «Флаг этот не только русского народа, а общеимперский – Российской Империи... и развеялся этот флаг не только на кораблях торгового флота, но и на всех правительственных учреждениях, которые ничем не торговали... Это был символ целого комплекса понятий. Это флаг Российской Самодержавной Монархической Империи». Попов верно обвиняет в лукавстве и вождей Белого движения, взявших как символ этот флаг: «Ведь вопрос этот очень серьезный, гораздо более серьезный, чем принято думать: вот я, например, штабс-капитан Попов, сражаясь в рядах Белой армии под старым Императорским флагом, был уверен, что сражаюсь за восстановление Самодержавной Монархии... И вдруг! Выиграли бы мы войну, и оказалось, что мы на своей спине провезли масонскую контрабанду: демократическую республику... В эмиграции этим флагом имеют право пользоваться лишь те политические организации, которые стремятся воссоздать Российскую Империю с Самодержавным монархическим строем, и никто больше... Трехцвет-

ный флаг – это символ той России, которую мы потеряли, образ которой мы бережно храним в своем сердце. Эта Россия строилась на девизе: „За Веру, Царя и Отечество“. Другой России не было. Была только эта. И само имя Отечества – Россия – принадлежит Православному Царству».

Напомним соотечественникам и еще один факт, который мало кто знает. Сейчас у школьников часто спрашивают: а что символизирует собой наш флаг? Никто не в состоянии ответить. Право, не знаю, что говорят ученикам их учителя. Трудность в том, что официальной интерпретации цветовой символики триколора в России до революции не было, и все же она была известна достаточно широким слоям российского общества. Святой Феофан Затворник еще в XIX веке восклицал, что Россия не погибнет, пока не изменит своим принципам бытия: Православию, Самодержавию и Народности, выраженным в ее святом трехцветном знамени. Сказано это было про общеизвестный тогда в народе бело-сине-красный флаг, а не про черно-желто-белый, как полагают некоторые, во времена св. Феофана не имевшего вообще никакого хождения, тем более в российской глубинке. В начале XX века появилась и еще одна трактовка цветовой символики полос: под ней предлагалось понимать официальную титулатуру Государя – всея Великия, Малыя и Белья Руси, известной со времен Царя Алексея Михайловича. При таком понимании символики цвета, соответственно, «прочитывались» снизу вверх. Впрочем, это второе прочтение всей символики флага не противоречило первому и главному.

Бело-сине-красный флаг был и останется символом Русской монархии – и ничем более. Что соответствует этому символу в современной России – вопрос риторический. Наша символика обличает в наших правителях узурпаторов Трона Царей, а в нас с вами, сограждане, – безумцев, не понимающих всего трагикомичного идиотизма несоответствия идеала государственности, заданного символикой, и действительности политической жизни современной Российской Федерации.

Как писал в своей работе «Макроистория» наш замечательный современник, мыслитель Русского Зарубежья И.Н. Андрушкевич: «История – это борьба культур за свое существование, которая происходит разными путями и способами. По отношению к нашей культуре эта борьба выразилась в уничтожении обманном путем ее внешней символики и в глубокой перестройке ее государственной оболочки с конечной целью уничтожения самой культуры и ее религиозной сердцевины. До сердцевины все же не смогли добраться, но за символикой и государственной оболочкой пострадала сильно и наша культура, как в своих духовных, так и материальных аспектах». Впрочем, как уже отмечалось нами не раз, прототипная, исходная легитимность, имеющая своим воплощением законную монархию, прикровенно существовала в России. Спрятавшись в воды озера Светлояра, она не переставала оказывать и оказывает сейчас свое потаенное влияние на ход событий в России, в том числе и в политической жизни, и идеологии масс.

В первую очередь это влияние особенно отразилось на государственных символах власти.

«Государственная символика сигнализирует не только об общей принадлежности всех живущих в данный момент сограждан к одному и тому же государству, но также и об их соборной солидарности со всеми предыдущими поколениями граждан этого же государства... Государственная символика не должна подвергаться переменам, искажающим ее смысл, чтобы не разрывать связь поколений. Поэтому любые предложения о частичном сохранении традиционной символики, да еще в искаженном виде, нарушают историческую соборность и в конечном итоге являются провокационными», – писал Андрушкевич.

Вообще с нашей национально-государственной символикой происходят весьма таинственные и потому примечательные преобразования.

В данный исторический момент символика государства Российского не отвечает ни одной политической реальности, которую она, символика, ясно и емко отображает. Но чудесность ее современного вида заключается в том, что, пройдя нелегкий императорский период западных влияний на свою иконографию, символика современного герба и флага вновь вернулась к своему изначальному истинному значению и традиционной русской иконографии. В этом факте нельзя не видеть предзнаменования. Ведь все преобразования с символическим рядом, выражающим суть нашей государственности, прошли вопреки воле, знаниям и пониманию сути проблемы подавляющим большинством верхнего эшелона политической власти в России. Это спонтанное возвращение к корням на уровне символика сулит такое же спонтанное, но и необходимое возвращение к национальным корням и всего нашего народа.

Рассмотрим наш триколор и его связь как с государственным гербом России, так и с древней русской и Византийской традицией.

Национально настроенная общественность, с тех пор как позорно отдала этот исключительно монархический символ в руки демократов, на чем свет стоит ругает бело-сине-красный флаг, даже не пытаясь узнать о нем правду.

Бытует совершенно ложное представление, что флаг этот то ли Царь Алексей Михайлович, то ли его сын Петр Великий заимствовали у голландцев. Другие уверяют, что первый флаг при Царе Алексее Михайловиче был не полосатым, а крестовым, т. е. синий прямой крест делил полотнище на четыре части, из которых первая и четвертая части были белого цвета, а вторая и третья – красного. Еще одна группа людей, вообще не вдаваясь в подробности происхождения и бытования этого символа, обзывает этот флаг «торговым», подразумевая его «порочную» связь с неблагородным делом – торгашеством. Ряд исследователей не любят его за «демократические» цвета времен Французской революции и считают, что России подобает на цветовом уровне подчеркнуть свою связь с Византией, которой, ни на чем серьезном не основываясь, приписывают исключительно черно-желто-белые цвета.

Именно эта расцветка появилась в середине XIX века в период либеральных реформ в России в качестве альтернативы народному бело-сине-красному флагу. Еврей немецкого происхождения, чья семья перешла в протестанство, по прибытии в Россию стал позиционировать себя как известный европейский геральдист. Фамилия этого человека была Кене. Именно с его подачи у нас появился флаг, повторяющий цвета тевтонского ордена и символически восходящий к цветовой раскладке государственного герба императорского периода. Действительно, в императорский период наш герб изменил цвета. Стали изображать черного двуглавого орла на золотом поле, полностью позаимствовав эти цвета у Австро-Венгрии, а вернее – у Священной Римской Империи германской нации. В то время бытовала версия, что именно в таком виде и в таком цветовом решении герб существовал в Византии. Это совершенно неверно. Византия не знала таких цветов, зато они с X века действительно символизировали Священную Римскую Империю германской нации. И если сначала у этой Империи орел был одноглавым, то с XV века гербом становится двуглавый орел. Безусловно, самого двуглавого орла европейцы заимствовали из Византии. Уже в XIII веке он стал широко применяться в западноевропейской геральдике и тогда же стал гербом Бремена именно как черный двуглавый орел в золотом поле. Балканские страны заимствовали этот символ у Византии еще раньше западноевропейцев. Справедливо мнение, что изначально двуглавый орел не играл в Византии роль общегосударственного имперского символа. Вероятнее всего, сам этот символ имеет корни в церковной символике Византии. Не случайно двуглавый орел появляется в декорах церквей в Болгарии, Сербии и на Руси уже в XIX веке. В Македонии с византийских времен принято на архиерейском коврике в храме изображать не орлеца, как у нас, а именно двуглавого орла, и исключительно желтого (золотого) цвета на красном поле, как и на гербе у царственного византийского рода Палеологов. Именно красный фон для орла определял византийскую традицию. Это видно и из древних гербов Сербии и Чер-

ногории, где, соответственно, белый и золотой двуглавые орлы располагались на красном фоне. Именно желания наложить свою руку на не принадлежавшее им никогда византийское наследие побудило Албанию изобразить черного двуглавого орла на красном поле. Еще раз повторимся, что гербом Палеологов – последней императорской династии Византии – был именно золотой орел на красном поле. Такое цветовое решение можно видеть на многочисленных фресках и иконах XIV века, где изображаются византийские императоры. Золотой орел на них всегда украшает или красные императорские сапоги, или красную подушечку под ногами императора, или изображается на красном плаще Царя. Известны иконы святых Константина и Елены XIV века и более поздние. На красном плаще Императора Константина – золотой орел, такой же орел, только на зеленом плаще, – у его матери св. Елены. Позднее золотой двуглавый орел на зеленом плаще стал изображаться на иконах св. Екатерины. Заметим, что орел всегда золотого цвета. Именно такое цветовое решение этого древнего символа и было занесено на Русь. Фреска XIV столетия в храме Спаса на Ковалеве в Новгороде, изображавшая святых князей Бориса и Глеба, дает нам об этом полное представление. На красном плаще Бориса изображен золотой двуглавый орел, и точно такой же – на зеленом плаще у его брата. В XVIII веке была частично утрачена фреска Киевского Софийского собора, изображавшая князя Ярослава Мудрого с семьей, но по рисунку, датированному веком раньше, ученые реконструировали облик и, главное, одеяние Ярослава Владимировича. На красном плаще, в области плеча, у князя видна птица желтого цвета, причем за счет изгиба плаща у нее видна только одна голова. Ученые считают, что это одноглавый орел. Точно такая же фигура «одноглавой» птицы известна на утраченной фреске, изображающей ктитора строительства – князя Ярослава Владимировича в храме Спаса на Нередице в Новгороде. И если фреска с Ярославом Мудрым датируется XI веком, то новгородская – концом XII. И все же, исходя из византийских прототипов и известной фрески святых Бориса и Глеба из Ковалевского храма, мы можем подозревать, что перед нами – подражание византийским императорским одеяниям, а значит, и орел должен быть двуглавым. Очень похоже, что лишь в угоду художественной достоверности, изображая естественные складки плаща, художник вынужден был изобразить на этих фресках только одну голову двуглавному геральдическому символу.

Очень важно и цветовое решение этой гербовой фигуры на плащах князей, а именно: это всегда красный фон и золотая (желтая) фигура птицы!

До времен Царя Алексея Михайловича, когда золотого двуглавого орла стали изображать на знаменах на белом фоне, орел всегда изображался на красном, за редким исключением. Известно седло Государя Иоанна Васильевича Грозного, хранящееся ныне в Оружейной палате Кремля. На красном бархате этого седла золотыми и серебряными нитями вышит двуглавый орел.

При Царях Михаиле Федоровиче и Алексее Михайловиче Романовых предметы царского обихода, такие, как парадный саадак, и ряд других, всегда были выполнены с использованием дорогой красной материи и расшиты золотыми двуглавыми орлами. Известна и завеса XVII века к трону Царей (также хранящаяся в Оружейной палате), на которой золотой орел вышит на белом бархатном квадрате и обрамлен красным бархатом, на котором уже, в свою очередь, изображены гербы земель.

При первых Романовых у нас прекрасно знали, что именно такая цветовая гамма гербовой фигуры и щита отображает древнюю византийскую традицию. Доказательством тому является замечательная икона – «Чудо в Хонях с деяниями св. Архангела Михаила», написанная московскими мастерами в начале XVII века, находящаяся в Успенском соборе Московского Кремля. Не лишним будет напомнить, что это – главный храм Русского государства, и иконы в нем должны рассматриваться как целостный ансамбль, выражавший через

православную символику идею воплощенного в русской государственности Православного Царства как земной иконы Царствия Небесного.

Так вот, в восемнадцатом клейме этой иконы изображен Архангел Михаил с миндалевидным щитом красного цвета с желтой каймой. В середину щита помещен желтый же двуглавый орел с опущенными вниз крыльями. Рядом с Архангелом – коленопреклоненный византийский Император, также с красным щитом, на котором изображена желтая голова, увенчанная рогами. В иных клеймах данной иконы мы можем видеть и красные императорские стяги, и условное графическое изображение двуглавого орла на щитах воинов.

Все эти факты говорят об особом символическом значении красного и золотого цветов не только для Византии, но и для Русского Царствия. Уместно вспомнить, что ополчение Великого Устюга в 1612 году шло на освобождение Москвы от поляков под зеленым знаменем с золотым двуглавым орлом, прямо повторяя цветовую раскладку этого символа с плаща царицы Елены древних византийских икон и с плаща св. Глеба на фреске храма Спаса на Ковалеве в Новгороде.

Видимо, ополченцы считали себя не вправе использовать исключительно царскую привилегию – золото-красные цвета, каковой они в действительности и были, что так наглядно показывают нам цвета шнуров царских печатей на древних актах.

Красный цвет вообще играет в русской символике особое место. Надо начинать с того, что в самом нашем этнониме – «русские» – уже содержится древняя индоевропейская лексема, означавшая красный цвет. Византийцы, называя наших предков русами, одновременно подразумевали, что они действительно красные, видимо, румяные. Одна из малочисленных партий ипподрома Константинополя называлась русиями, т. е. красными, противостоя более многочисленным и главным политическим партиям болельщиков – голубым (которые, кстати, назывались венетами!) и зеленым. Все известные нам знамена древних русичей исключительно красного цвета. Святое для нас знамя ополчения князя Пожарского и гражданина Минина было также темно-красного (малинового) цвета.

Во время геральдических баталий, разгоревшихся в России в конце ее императорского периода, в самом начале XX столетия, сторонники черно-желтых цветов герба заявляли, что цвета флага должны совпадать с цветом герба. Таковы были формальные требования новой европейской геральдической науки. При этом белую полосу они считали символическим изображением Георгия Победоносца с герба, изображаемого в груди двуглавого орла. Митрополит Московский Филарет (Дроздов), вообще неодобрительно относившийся к черно-желто-белому флагу, в частности, протестовал против такого «прочтения» белой полосы, совершенно справедливо указывая, что в Православии вообще не принято изображать святых символически, тем более только полосой и тем еще более, что сам цвет полосы может соотноситься только с цветом коня святого всадника. Сторонники немецких правил построения геральдических символов, забывая, что сами эти правила устоялись лишь в XIX столетии, когда уже давно сложились все древние гербы Европы, считали – и считали неверно, – что желтый цвет щита для черного орла – это наше византийское наследство.

Но более всего удивляет какое-то странное пренебрежение не только родными геральдическими символами, но и святынями государственности Российской со стороны всех спорщиков того, да и нынешнего периодов.

С давних пор в Оружейной палате хранится Государственный щит России, который предание связывает с именем древнего русского князя Мстислава – то ли сына Мономахова, то ли Мстислава Удалого. Круглый щит этот, обильно разукрашенный бляшками, красного цвета. Вот главный аргумент и главный символически и церемониально обусловленный фундамент того, что щитом для фигуры двуглавого орла в России должен быть не просто геральдический щит, а совершенно конкретный церемониальный красный щит Оружейной палаты. Вспомним, что церемониальные одежды царских сокольничих времен Алексея

Михайловича также носили древнюю цветовую символику Царствия – золотые двуглавые орлы на красных кафтанах.

Единственным возражением против бесспорного принятия того факта, что в палеологовский период именно золотой двуглавый орел был гербом династии и опосредованно – самой Византийской Империи, является факт использования в качестве церковного символа в современной греческой православной церкви желтого флага с черным двуглавым орлом.

Однако иконография самого орла на таких флагах выдает их позднее происхождение. Скорее всего, тут мы имеем дело с обратным заимствованием, когда греки, потеряв и государственность, и государственные символы, вернули их себе через посредство символики Западной Европы и Российской империи.

С XVIII века заблуждение насчет того, что именно черный орел в золотом поле был символом Римской империи, стало устойчивым. Не случайно Петр Великий, меняя традиционные золото-красные цвета герба на черно-золотые, заявлял претензии Третьего Рима на все римское наследство, отнюдь не имея в виду простое заимствование цветов у Австрийского императорского дома Габсбургов. Этим же геральдическим мифом руководствовалась и греческая церковь, заявляя о своем первенстве в вопросах веры и преемственности к той же римской императорской традиции. Истинные знания о настоящих символах и их цветовом решении древней Византии были забыты.

В том, что настоящие гербовые цвета Византии были золото-красными, мы можем убедиться, рассмотрев, кроме вышеуказанных фресок и икон, ряд других источников.

В кафедральном храме в честь Апостола Андрея в городе Патры, в Греции, рядом с ковчегом с его святой главой стоит хоругвь, повторяющая, как это водится, более древние образцы, вероятнее всего еще византийского времени. На темно-красном бархате изображен золотом крестом «Андреевский крест». Верхнюю часть хоругви украшает золотой двуглавый орел с единой короной. Сама хоругвь и цветом, и строением очень напоминает Орифламмю – святое знамя французских королей, хранящуюся в соборе Сен-Дени в Париже.

Собственно византийские знамена, каковыми они были в действительности, а не в воображении романтиков XIX века и политиков века XX, изображены на некоторых общедоступных документах. Например, на цветной средневековой карте Габриэля Вальсека многие земли помечены геральдическими символами той эпохи. Так вот, земли Византийской империи помечены красными флагами с золотым двуглавым орлом!

В западноевропейской геральдической традиции известен еще один флаг, который считался военным знаменем Византийской империи. Знания об этом флаге в Европу принесли крестоносцы, и с тех пор он публиковался во многих европейских геральдических атласах. Флаг этот представлял из себя полотнище, разделенное на четыре части. В первой и четвертой четвертях на белом поле изображен прямой красный крест св. Георгия – символ, усвоенный позднее английской геральдической традицией. Вторая и третья части военного флага были украшены прямым золотым крестом в красном поле. В четвертях, образованных крестом, изображалась схематично греческая буква «В», что значило – Базилевс. Этот символ был заимствован сербской геральдикой, а буква «В» переосмыслена как «С» славянского алфавита. Таким образом, мы видим, что красно-золотые цвета были исконной византийской цветовой гаммой, усвоенной императорской властью и ее символизировавшей. Наряду с этим для царских парадных одеяний использовался пурпурный цвет – смесь синего и темно-красного, однако обувь Царя неизменно была красного цвета, что было его особой привилегией. Комната Дворца Императоров в Константинополе, где появлялись на свет наследники престола, была также убрана красными тканями. Родившийся в такой комнате отпрыск царского рода назывался «порфирогенет» («краснорожденный»). Это значило, что ребенок рожден в законном браке, его отец – царствующий Император, а он – законный наследник престола. Красно-золотые цвета обозначали высшую монархическую власть во всей Европе.

У Карла Великого были, как он сам считал, «римские знамена» – полотнища красного цвета с золотыми одноглавыми орлами. Императоры Священной Римской Империи также изображали своего, уже черного, одноглавого орла не только на желтых и белых, но и на красных знаменах. Красный цвет знамен и золотые геральдические символы и эмблемы были известны и языческой Руси. Прежде всего, мы имеем в виду традицию красных щитов и знамен русичей, а также эмблему Рюриковичей – двузубец, который стал при Владимире Святом трезубцем. В дальнейшем общерусской традицией стало изображать на красных знаменах золотой восьмиконечный крест, что мы видим на многочисленных древних иконах.

Итак, современный герб Российской Федерации по своему цветовому решению совершенно удивительным образом вернулся к древней византийской традиции и к традиции русских князей и царей до времен Петра Великого включительно. Этот символ никогда не уходил из геральдического обихода и в имперский период. В таком цветовом решении выполнялись троны Русских Монархов, орден св. Александра Невского также несет золото-красную символику древнего государственного герба. Тронные залы дворцов также часто украшались изображениями именно золотых орлов на красном поле.

Почему этот великий символ преемственности Москвы от Второго Рима – Царьграда вернулся к нам в столь далекое от традиций русской государственности время?

Все ли дело только в личных симпатиях к такому цветовому решению, а равно и в глубоких познаниях главного современного знатока геральдики России Г.В. Вилинбахова и Е.И. Ухналева – художника, выполнившего герб современной Российской Федерации по его предложению? Наверное, нет. Есть в этом символе предзнаменование перемен. Перемен таких, которые способны привести этот державный символ в соответствие с политическими реалиями России. Время покажет. Напомним и еще одну немаловажную деталь. Дело в том, что всадник, изображавшийся со времен Иоанна Грозного в груди двуглавого орла и бывший до этого главным символом Московских Царей, не был св. Георгием Победоносцем. Официально всадник этот назывался «ездец», а позднее – «Царь на коне». Именно Царь на коне был и остается символом Москвы.

Лишь Петр Великий приказал считать геральдического всадника с герба св. Георгием Победоносцем, однако же он никогда не изображался с нимбом, как это принято при иконописном изображении святых!

А что же наш бело-сине-красный флаг, о котором мы начали говорить вначале, когда эта тема отвлекла нас, по причине глубокой символической взаимосвязи герба и флага России, на проблему цветовой символики именно герба?

Во-первых, нам надо рассеять недоразумения, существующие вокруг этого флага в широких массах российской общественности. Этот державный символ впервые появился на первом корабле, построенном для больших плаваний при Царе Алексее Михайловиче. Корабль назывался «Орел» и был заложен в 1667 году. По запросу голландского строителя судна капитана Бутлера, каков делать флаг на судне, ему было велено делать флаг с применением материи красного, белого и василькового цветов. Многие полагают, что капитан Бутлер по своему почину составил для русского корабля свой голландский флаг, только поменяв полосы местами. Флаг корабля «Орел» действительно был полосатым, а не крестовым, чему есть документальное подтверждение. На гравюре «Астрахань» из книги Я. Стрейса, датированной 1676 годом, есть изображение и этого корабля, и его кормового флага. Флаг состоит из трех полос, причем белая полоса находится в середине. Гравюра исполнена всего девять лет спустя после постройки «Орла». Видимо, самой гравюре предшествовал более ранний рисунок. Сложно представить, что гравер ошибся, но даже если гравюра не точно отражает расположение полос на нашем триколоре, то, по сути, это ничего не меняет. Во-первых, флаг действительно изначально был полосатым. Во-вторых, подбор цветов на русском флаге для корабля «Орел» не имел аналогий в международной геральдике того времени.

Вероятно, именно Петр Великий поменял полосы во флаге своего отца местами. Вопрос, для чего? Может быть, для того, чтобы он действительно совсем не походил на голландский, особенно издали.

Вот что для нас имеет принципиальное значение, так это то, что в те времена верхняя полоса голландского флага была не красной, а оранжевой. Это был родовой цвет штатгалтеров Оранских, правителей Нидерландов, до сих пор сохраненный голландцами в качестве цвета их национальных сборных в различных видах спорта. Иногда в то время центральная белая полоса голландских флагов была шире верхней оранжевой и нижней синей. Капитан Бутлер, выполняя приказ из Москвы по составлению флага, не мог самовольничать и примитивно шить на русский корабль голландский флаг. Для этого ему, по крайней мере, не хватало материи оранжевого цвета. Но и не это главное. Если верить гравюре, рисунок флага для корабля отчасти повторил рисунок голландского флага, только вместо оранжевой полосы сверху у русского корабля, вероятно, была красная. Если бы это было не так, то получилось бы, что Бутлер без затей сшил голландский флаг вопреки своей же записке на имя Царя Алексея Михайловича, где утверждал, что каждая держава должна иметь на кораблях свой особый, всеми узнаваемый флаг. Такое самовольство в то время было немыслимо, да и русские не были полными профанами в вопросах государственной символики. За такие вещи капитана Бутлера могли и казнить, усмотрев в его геральдических опытах попытку увести первое русское судно под голландским флагом к себе домой из-под носа государевых людей. Флаг был пошит красно-бело-синим, и при Петре, вероятно, были переставлены местами полосы. Сама старинная европейская гравюра с белой полосой посередине на изображенном флаге корабля «Орел» говорит о том, что наш триколор не был заимствован из Голландии, не нес «фирменного» голландского оранжевого цвета и изначально был красным, белым и лазоревым. В XVII веке такого сочетания цветов еще не носил ни один европейский флаг, включая и голландский.

Сама «полосатость» флага тоже не есть нечто сугубо западноевропейское, а, скорее наоборот, нечто, изначально не свойственное Европе католической и протестантской. Там распространение получили флаги с символическими и геральдическими фигурами и крестовые флаги, прототипом которых был, по-видимому, византийский же флаг св. Георгия и датский флаг «Данеброг» XIII века.

Наоборот, в Польше, судя по сохранившимся гравюрам, полосатые флаги известны, по крайней мере, с XVI века. Русские миниатюры позволяют нам сделать вывод, что полосатые флаги с нашитым на них крестом известны у нас с самого начала XVII века. Никакого прямого западноевропейского влияния в создании полосатого триколора при Алексее Михайловиче усмотреть невозможно. Флаг этот был вполне самобытен, и даже более того.

Совершенно ошибочно думать, что флаг этот из военно-морского вскоре превратился в исключительно торговый, как об этом часто пишут даже специалисты. Это неверно. Петр Великий использовал эти цвета на военных знаменах. До времен Анны Иоанновны офицерские шарфы в армии были тоже бело-сине-красные и только по ее указке стали черно-золотыми, что было сознательным подражанием немецким образцам. Что касается символа коммерческого флота, то для него Петр избрал особый гербовый флаг – на белом поле черный двуглавый орел. С 1709 года это был частный флаг торговых судов. Как сам Государь изволили его описать, флаг сей сделан был «по московскому гербу». И несмотря на то, что таковым был и в том числе коммерческий символ, это не помешало Царю именно под таким флагом выиграть Полтавскую баталию. Знатоки геральдики совершенно справедливо утверждают, что коммерческие флаги во времена Петра были одновременно и общегосударственными символами. По-другому и быть не могло. Торговля в России для Петра была тогда делом государственным, а не частной инициативой индивидуума. Сняв с нашего триколора обвинения в «торгашестве», напомним, что флаг сей освящен кровью бойцов Белого движе-

ния, подвига которого для России и ее будущего во всей полноте еще не оценили по достоинству современники.

В отношении этого флага можно привести и еще один интересный, по-своему символический, а в некотором роде – и знаковый факт. В Софийском соборе Киева, о котором мы уже говорили выше, сохранилась уникальная мозаика XI века. Христос Вседержитель на ней изображен в подкупольном пространстве в круглом медальоне, окольцованном десятью разноцветными ободками. Так вот, ближайшие к Спасителю ободки именно: белый, синий и красный.

Мало кто знает, что флаг сей, или, по крайней мере, его цветовое решение как символическое ядро, появился раньше флага корабля «Орел». Нам известно изображение цветного шитого военного русского знамени XVII века. На нем изображен св. князь Владимир с воинами, и – о чудо! – один из этих воинов несет над головой князя, увенчанной нимбом, его знамя: белый равносторонний крест в синем поле с красной каймой. Этот флажок с большого древнего знамени удивительным образом прообразовал эмблему Национальной Организации Витязей – организации русской молодежи, созданной Н.Ф. Федоровым в Зарубежье. Н.Ф. Федоров ничего не знал о древнем знамени, но его значок – почти копия флага князя Владимира, только весь рисунок вписан в ромб, а не в квадрат, как на древнем знамени. Но самое главное вот что. Ряд национально настроенных авторов желают видеть византийское наследие в цветовом решении черно-золото-белого флага Кене. Наследие, которого в этом символе в действительности нет. Сам Кене в брошюре для немецкой публики С.-Петербурга проговорился, что вдохновлялся при составлении рисунка флага цветовой символикой тевтонского ордена. Ничего собственно русского или византийского в этом флаге нет. Не случайно, что даже особая комиссия 1911 года, к чьей работе вообще можно предъявить массу претензий в плане игнорирования русской символической и исторической традиции, принимая черно-золото-белый флаг в качестве государственного, все же рекомендовала перевернуть его белой полосой кверху, чтобы он хотя бы соотносился с русскими военными георгиевскими цветами.

Флаг, утвержденный нашим последним Государем, был четко описан в указе от 11 сентября 1914 года, в котором предписывалось использовать: «...исключительно бело-сине-красный флаг и не допускать подъема... нового флага, содержащего в своем рисунке Императорский штандарт». Напомним, что за полтора месяца до этого указа Царь разрешил в частном быту использовать бело-сине-красные флаги с нашитым на две первые полосы квадратом желтого цвета с черным двуглавым орлом, т. е. с Императорским штандартом на полосах белого и синего цветов в крыже. Очень важно, что знаменитая ныне мироточивая икона Государя Николая Александровича, написанная в Русском Зарубежье, имеет кант из национальных бело-сине-красных цветов. Так вот, настоящие русские и, главное, византийские традиции стоят за бело-сине-красным флагом. Известна раннесредневековая византийская миниатюра, изображающая коронацию Императора Феофила в 829 году. За троном Императора – два сине-красно-синих флага. Флаги эти состоят из трех полос, прикрепленных к квадратному отрезку красной материи, на которой неясно изображен какой-то символ. Синий и красные цвета императорских византийских флагов не случайны. Именно эти цвета в византийской геральдической традиции при смешении давали пурпурный цвет, усвоенный для одеяний Императора.

Таким образом, наш триколор, совершенно очевидно, может рассматриваться не только как символ русских, но и как наследие, выраженное красным и синим цветом, заставляющее вспомнить о Византийской имперской традиции.

В действительности ничто лучше не может символизировать идею Царской власти и идею России как Третьего Рима, чем наш современный и одновременно очень древний Царский гербовый символ – золотой двуглавый орел на красном щите и бело-сине-красный флаг,

отображающий священный идеал нашего национального бытия: Православие, Самодержавие, Народность.

Не настало ли время задуматься, каким образом наша политическая и повседневная жизнь могла бы быть приведена в необходимое соответствие с нашей древней священной символикой Царствия?

Мировоззренческая основа возрождения государственного сознания

Современность наша диктует нам крайнюю необходимость выработки совершенно однозначного политического мировоззрения, которое на современном языке сможет донести до россиян важнейшую истину о том, что у нас нет своей государственности в настоящем значении этого слова. А без истинного государства народ русский, как народ сверхгосударственный, не только по дарованиям, но и по исторической своей судьбе, обречен на гибель. Новое государственное мировоззрение должно объяснить гражданам, какая ценность для каждого из них содержится в том сложном, символично-мифологическом послании из прошлого, которое ныне определяется одним понятием – Традиция. Именно из Традиции вырастает национальная идеология, которая есть определенная сумма идей и норм, привычек жизни, коренящихся в религиозных представлениях народа и организующих нацию в органическое целое. Национальная идеология отличается от национальной религии тем, что является более широким, секуляризованным понятием религиозной этики, включающим в себя религиозные представления и нормы жизни в качестве своего смыслового ядра и дополняющим их идеями и нормами, имеющими политический, социальный, культурный и хозяйственный характер. Национальная идеология является главным смысловым языком нации. Это не язык слов и словесных конструкций, а язык более сложных, символически выраженных понятий, с утратой которых ее члены оказываются неспособными на взаимопонимание и разумную совместную деятельность.

Народ, утративший свою национальную идеологию, обречен на исчезновение из истории, если он не осознает причины своего разрушения и не возродит те идеи и нормы, которые способны заново сплотить его из хаотического атомарного состояния в живой организм нации.

Мы обязаны преодолеть двойственность и антагонизмы современных политических доктрин самого разного толка и представить народу нечто целое, неделимое, которое только и может претендовать на звание истины.

Современная российская власть, имея сводный документ, где заключено ее кредо, в последнее время как-то стыдливо начинает этот документ замалчивать. По крайней мере, давно не слышно, чтобы власть вдохновлялась им, строила концепции развития, опираясь на него. Речь идет о современной Конституции. И такая стыдливость по отношению к «главному закону страны» не случайна. Не только теория, но и практика вопиют против нелепости бытования подобного свода законов в России.

Наша Конституция – это обличительное свидетельство того, что доморощенные либералы не способны учиться у истории, вообще не способны к творческой умственной работе, да и просто не могут делать выводы по причине клинической невменяемости. Кроме всего, наша Конституция сама по себе, вне политической оценки, есть документ, полный самых причудливых нелепостей, что обличает интеллектуальную убогость ее творцов.

В политическом смысле нынешняя Конституция как бы легализует те разрушительные начала, которые погубили историческую Россию и продолжают губить ее коренные народы. Творцы Конституции (серьезно или нет – не известно) полагали, что, копируя западные либеральные ценности, они принесут в Россию долгожданный прогресс. Опыт февральского бедлама 1917 года и последних пятнадцати лет показывает, что надежды эти утопичны. Современная Конституция не просто противоречит вековым основам национального бытия России, она вообще отстала от жизни как таковой, и не только у нас. Она, прежде всего, не отражала и никогда не будет отражать действительных чаяний людей, населявших и населяющих Россию. Наша Конституция совершенно не учитывает и изменений, произо-

шедших в самое последнее время в сознании общества, которое, вопреки всем прогнозам, резко и по-настоящему правее, становится национальным в подлинном, глубинном смысле. Защитники Конституции мнят ее гарантом единства государственного тела, игнорируя тот факт, что такое единство возможно только в форме национального единения народа в едином национально-государственном теле. Конституция же исходит из того, что крушение исторической России необратимо и гарантирует дальнейшее развоплощение государственности и самой русской идентичности. Она не в силах воспринять тот факт, что глубинные силы вновь просыпаются в народе и оборванные корни истории, пока незримо, срastaются в глубине народного духа.

Парадокс – Конституция современного государства служит государственному развоплощению, выхолащиванию самого понятия – государство. Наш народ долгое время был слишком аполитичным, чтобы понять, что без выработки настоящей и насущно потребной национальной идеологии нам не выжить в XXI веке, тем более, если Конституция наша есть памятник заблуждений веков XVIII и XIX.

Без единых для всех ценностей не может существовать ни одна политическая общность. Этих ценностей у нас нет, кроме пустопорожного словоблудия про давно никем не соблюдаемые права личности, которую низвели до роли винтика в современных либеральных конструкциях. Без осмысления и восприятия вековых ценностных установок народ не в состоянии выполнять свою историческую миссию и сходит с дистанции истории. Усилия национал-патриотов за последнее десятилетие пробудить национальное сознание народа наталкивались на глухую стену отчуждения. Народ жил «сегодняшним днем», занимался хозяйственными делами и зарабатывал деньги. Людям казалось, что счастье столь близко и достижимо, что стоит только еще заработать денег, и...

Современное государство это вполне устраивало. Пока большинство населения страны было занято бесконечной гонкой стяжательства, не чувствуя жизненной пустоты, заполняющей пространство вокруг всех и каждого липкой субстанцией безысходности, государство или корпорация бизнесменов по приватизации бывшего СССР, назвавшаяся государством, работала на самих себя.

Постсоветский социум, лишенный государственной скрепы, вдруг оказался скопищем законченных индивидуалистов и эгоистов, которые не в силах сплотиться даже для решения своих жизненных задач по физическому выживанию. И совсем неудивительно, что это были те же самые люди, что с детства привыкли шагать строем, куда укажет партия и государство.

Долго так продолжаться не могло. Вдруг стало ясно, что собственно государства у нас нет. И в этот самый момент именно те, кто позиционирует себя его главными выразителями, стали лихорадочно имитировать его наличие. Тут и патриотическая риторика, и идеологический салат из Петра Великого, комиссаров в кожанках и гениальных полководцев из сталинского гнездовья, и имитация заботы о народе. Государству потребовалось хоть чем-то заполнить образовавшуюся пустоту между ним и подданными. Ему понадобилось, наконец, идеологически обосновать странную привычку своих подданных видеть в нем авторитет. Весь современный патриотизм постсоветского периода обречен. Он лжив и пуст. Он полон противоречий и недомолвок. Он не открывает народу главного: в чем его, народа, историческая ценность перед лицом вечности. Он не говорит, как ценности высшего порядка, которые априори реализуемы только посредством истинно государственной жизни данного народа, реализуются в плане земного бытия.

Истинное, традиционное государство всегда опиралось на Алтарь и Трон. Оно питалось живительными струями энергетических потоков, идущих из этих двух таинственных источников этносоциальной самоорганизации. Монархия брала поистине отеческую ответственность за сохранение формы, т. е. тела и жизни народной, оставляя индивидууму огромное социальное пространство для личной свободы и экономической самостоятельности.

Церковь пестовала и берегла его дух. Две сферы слились воедино: отечески земное дополнялось отечески небесным и возникало то нерасторжимое единство, которое только и может быть названо государством в истинном смысле слова.

Артур Меллер Ван ден Брук, известный немецкий мыслитель тридцатых годов прошлого века, выразил эту мысль в великолепной формуле: «Трон и алтарь гарантировали постоянство земных дел согласно надвременным установкам. И государство было их поверенным».

В государстве как таковом подданные видели сосредоточение определенного этического идеала, имеющего неземное происхождение, но находящего себе символическое отображение именно в государстве традиционного типа.

В чем же причины упадка, в том числе того, что привел к краху историческую Россию? Разве идеал был ложен?

Да нет же. Увы, но идеалу должны соответствовать и люди. Упадок и крах государственности начинается с падения одного человека, с умаления его духовных сил и волевых установок.

Дадим слово Артуру Меллеру ван ден Бруку, автору судьбоносного труда «Третья Империя», в котором он замечательно описал симптомы и протекание той болезни, которая стубила Россию и может окончательно погубить и наш народ: «...С течением времени исходный смысл выветрился из обоих понятий (из понятий трона и алтаря. – *Авт.*), выветрился он и из патриотизма. Эти понятия... стали привычкой, а потому утратили свое предназначение».

Понятия стали обертками муляжей в сознании масс. Вера в святость традиционных государственных институтов в народе потухла задолго до революционного взрыва страстей в 1917 году.

Потеряв веру в истинность того, что почиталось самым святым, народ утратил всякую способность к пониманию добра и зла и пошел, со звериным гоготанием бесконечных «безбожных» карнавалов, к своему самоуничтожению как субъекта истории.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.